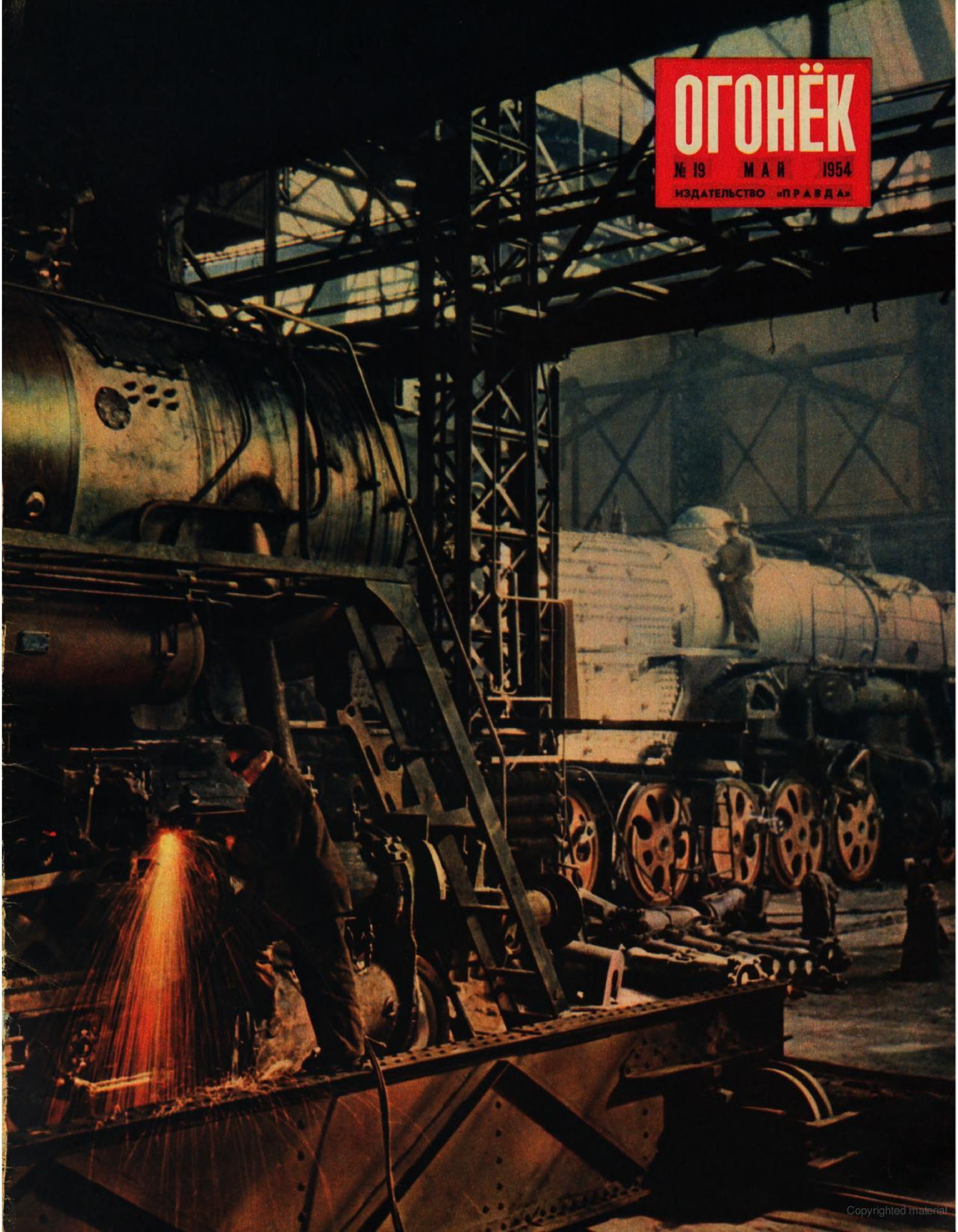

ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Молодые трактористки Мария Кипаренко и София Борщ решили поехать на целинные земли. С Украины, из Хмельницкой области, они попали в Северный Казахстан. Подруг направили во Владимирскую МТС Кустанайской области. Быстро освоились они с новой обстановкой. Своим землячкам девушки сообщили, что всем довольны.

На снимке: трактористки Мария Кипаренко (слева) и София Борщ.

Фото Н. Драчинского.

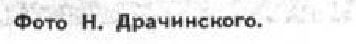
ЗАВОД-ИНСТИТУТ

На первой странице обложки этого номера «Огонька» виден сборочный цех коломенского Паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева. Около машин-великанов снуют слесари-сборщики. Людей мало на снимке, их немного и во всем цехе. Полная автоматизация позволяет монтировать гигантские локомотивы, поднимать и опускать тяжелые детали с помощью электрокранов.

Коломенский паровозостроительный завод называют «заводом-институтом». Тысячи рабочих учатся в машиностроительном заочном институте и на вечернем отделении паровозостроительного техникума, в школах рабочей молодежи и передового опыта, на курсах, где готовят специалистов для выпуска новых машин.

...Из ворот сборочного цеха, отливая черно-вороным цветом, выходят мощные, усовершенствованные локомотивы серии «Л». Они поведут тяжеловесные товарные поезда.

Фото С. Раскина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1404) 9 МАЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 1 МАЯ 1954 ГОДА. На трибуне Мавзолея (слева направо): товарищи **К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин.**

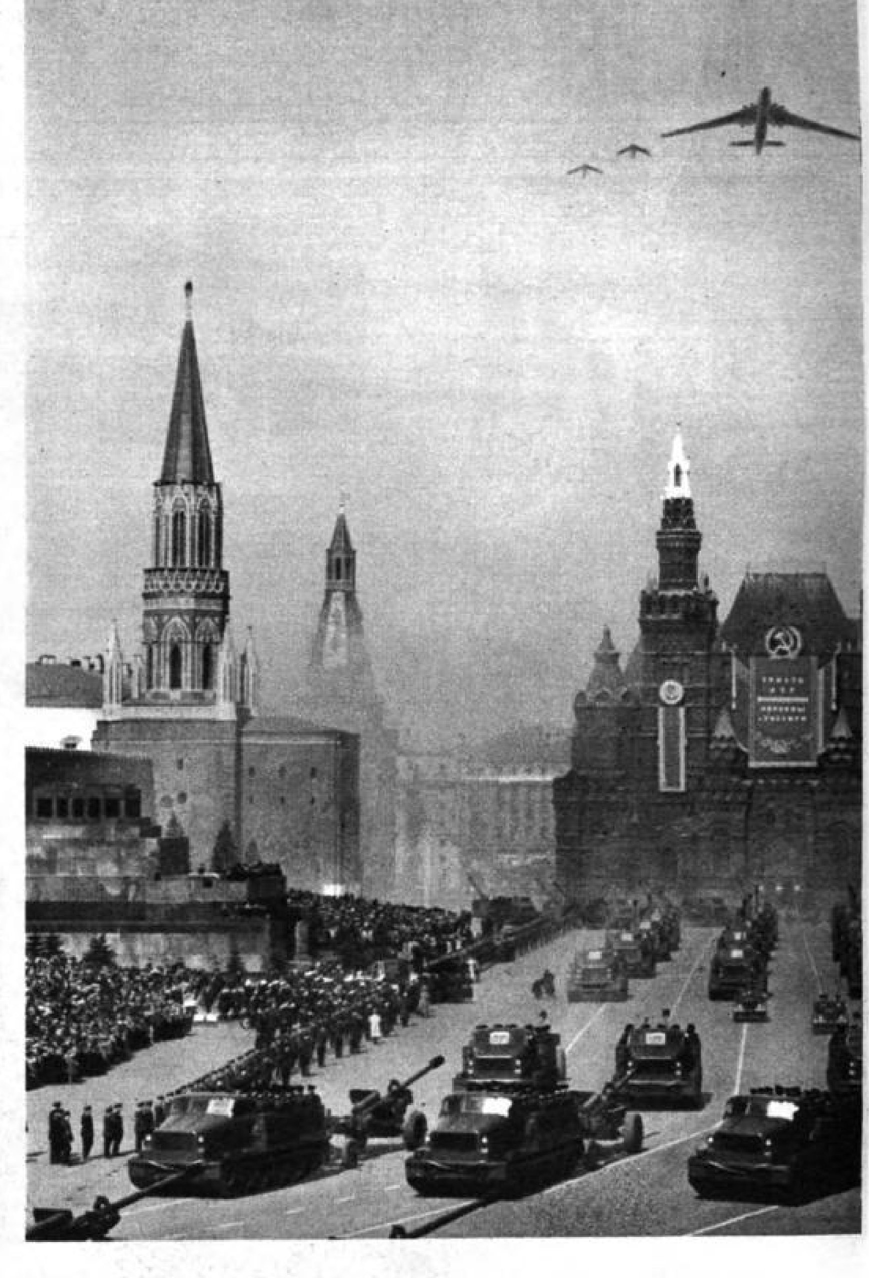
Фото А. Гаранина.

ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Фото А. Гостева и И. Тункеля.

СТРАНА ПРАЗДНУЕТ 1 МАЯ

Слева: на Дворцовой площади в Ленинграде. Вверху: в Киеве, на Крещатике. Внизу: иллюминированные корабли Балтийского флота на Неве.

Фото Н. Ананьева, Н. Козловского, В. Федосеева и П. Федотова.

Вверху: Вильнюс. Школьники на демонстрации. Внизу: Рига. Пляски в колонне демонстрантов.

МОСКВА. ЛЮДСКИЕ ПОТОКИ ХЛЫНУЛИ НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ.
Фото С. Фридлянда.

Фото Л. Мейнерта и Е. Ясенова (ТАСС).

ГОСТИ

В Москву на первомайский праздник приехали из-за рубежа посланцы миллионов людей, для которых самое дорогое и желанное — мир.

Москва рада была показать дорогим гостям все, что они пожелали видеть. Более сорока делегаций были приглашены на первомайский парад и демонстрацию представителей трудящихся. Зарубежных гостей разместили на самых почетных местах. Принимавший парад Маршал Советского Союза Н. А. Булганин обратился к ним в своей речи на Красной площади со словами: «Наши дорогие зарубежные гости!» Из колонн москвичей неслись теплые приветствия представителям народного Китая, Индии, Франции, Канады, Дании и других стран.

Первого мая москвичи веселились на улицах, площадях и бульварах столицы.
Фото А. Новикова.

И здесь праздник!
Фото Е. Тиханова.

Получай шоколадку!
Фото Г. Санько.

→

Вы видите группу иностранцев, угощающихся папиросами из одной коробки... Это немцы с Запада, немцы с Востока и французы, делегаты Всеобщей конфедерации труда. Американские сеятели розни и раскола между народами не хотят, чтобы немцы Рура и Баварии вместе с немцами из Саксонии и Тюрингии встретились за одним столом с представителями французского народа. Но вот они сошлись вместе в первомайские дни, в Москве, в фойе Дома кино. Мариус Апостоло, член французской делегации, принадлежит к той же партии, что и Жорж Бидо; но он не боится встречи с немцами из Восточной Германии. Ей рад и парижский налоговой инспектор Андре Клер, которого вы видите в центре снимка. Народы ищут сближения во имя мира, наперекор тем, кто ведет политику развязывания войны...

→

В дни Первомая в Москве происходили и другие знаменательные встречи. Крепко пожимали руки друг другу китайцы и итальянцы, поляки и бразильцы, корейцы и англичане.

— За что вы получили ваши ордена? — спрашивает дважды Героя Корейской Народно-Демократической Республики Пэк Мен Ги австрийская делегатка Гильда Мецес, работница текстильной фабрики.

— За то, что хорошо сражался с иноземными захватчиками, которые хотят поработить мою родину.

→

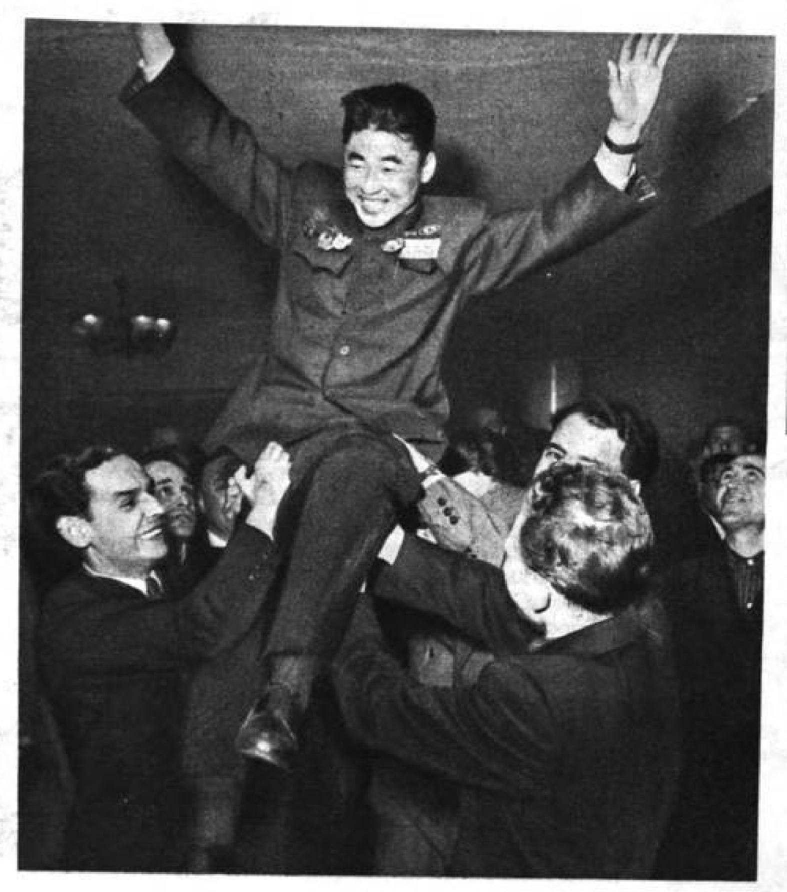
Вместе с праздничными толпами гости ходили по торжественно украшенной столице. И всюду москвичи радушно встречали их, обнимали, обменивались адресами, значками... К скверу у Большого театра подъехал автобус. Итальянцы! Их узнают по песням. Минуты знакомства — и вместе с москвичами итальянцы поют «Катюшу», «Санта Лючия», вместе танцуют... Один из итальянцев берет на руки маленькую девочку, целует ее. «Понравилась?» — спрашивает с гордостью москвич-отец. — А у вас есть дети?» Итальянец достает фотокарточку своего ребенка: «Мио бамбино!» «Отличный бамбино!» — одобряет москвич...

МОСКВЫ

Зарубежные делегации на Красной площади.

Фото А. Гостева.

← В клубе завода «Серп и молот» рабочие окружили молодого китайца. На кителе — ордена. Вблизи не оказалось переводчика, но, очутившись в воздухе над головами веселых, празднично настроенных металлургов, гость сразу понял, что хотели сказать ему хозяева.

→ Бразильская рабочая делегация 2 мая посетила несколько продовольственных магазинов Москвы. Изобилие продуктов не удивляло гостей. Продукты есть и в магазинах Бразилии. Но количество покупателей! Бразильские магазины пусты — дороговизна, безработица, нищета.

«Как вам живется?» — спрашивает у гостя москвич. Бразилец отвечает: «У нас есть пословица: бедняк живет только из упрямства». В хлебном магазине продавщица предложила бразильцам отведать булку. Гости пробуют и одобряют.

← В Москву приехали на первомайский праздник люди разных взглядов и убеждений. Гости из Канады посетили католическую церковь. В костеле святого Людовика с ними беседовал после богослужения настоятель Иосиф Бутурович. Канадцы задали многочисленные вопросы о свободе религии в СССР. То, что они увидели и услышали, так не походило на небылицы, распространяемые реакционными газетами...

← Гости из Франции, делегаты общества «Франция — СССР», неожиданно встретились на торжественном вечере в Московском государственном университете на Ленинских горах со своим соотечественником Клодом Фриу. Вместе с Мишелем О'Кутюрье он учится в МГУ. Клод Фриу оживленно рассказывает о том, как он изучает поэзию Маяковского.

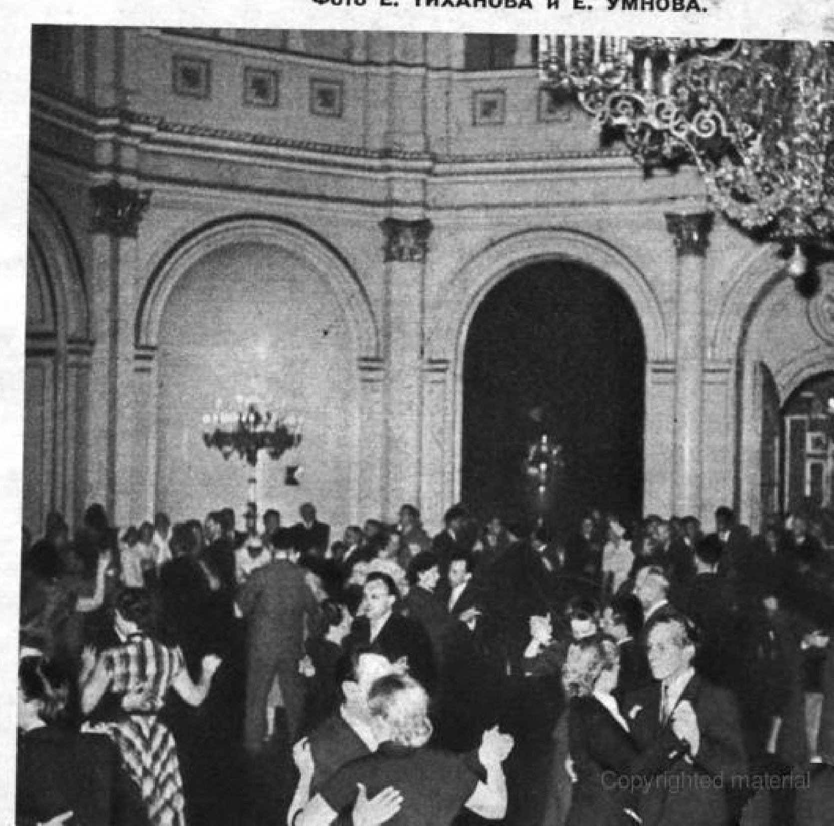
Делегаты интересуются, хорошо ли советские студенты обеспечены материально.

— Отлично! — говорит Клод Фриу. — Вот, к примеру, мой обычный обед в студенческой столовой стоит дешевле, чем во Франции, а качество его гораздо лучше.

Первомайские празднества для наших гостей завершились приемом в Кремле. ↓

Англичане и индийцы, французы и китайцы, мексиканцы и датчане гуляли по площадям древнего Кремля, танцевали и веселились в дворцовых залах. Все дышало здесь величавой славой прошлого, несокрушимой силой народа, взявшего власть в свои руки, чтобы положить конец войнам, нищете, гнету. Посланцы многих стран принесут на родину слова правды о том, к чему стремится и чего достиг великий советский народ.

А. ИЛЬИН, Г. БОРОВИК.
Фото Е. ТИХАНОВА и Е. УМНОВА.

Спасибо тебе, весна

Николай **АСЕЕВ**

Спасибо тебе, весна,
Что ты светла и ясна
Без всяческих разъяснений;
Спасибо тебе, весна,
Что ты чиста и честна,
Не вызывая сомнений.

Март —
Весна вступает в азарт.
Мчаться куда-то хочется.
Школьники
В окна глядят из-за парт,
Не могут сосредоточиться...

Апрель —
В воздухе ласковый хмель.
Сколько слов нужно добрых и
нежных!
В небе
Гудит самолет или шмель.
В долах —
Умытый подснежник.

Вот так Маяковский шел по
весне,
По мартам и по апрелям,
Все ближе к людям,
Все к солнцу тесней,
По лужам и по капелям.

Зачем я сегодня вспомнил
о нем
Среди повзрослевшего люда!
Затем, что горевший
предмайским огнем
Он сам был весеннее чудо.

Март — месяц воды,
Апрель — месяц травы,
А май—всем людям на радость!
Птицы — на все лады...
Венки вокруг головы...
И крепнут дела, наладясь.

Спасибо тебе, весна,
Что ты светла и ясна
Без всяческих разъяснений;
Спасибо тебе, весна,
Что ты чиста и честна,
Не вызывая сомнений!

Рассказ

Борис **ПОЛЕВОЙ**

Плотный, средних лет человек, с резким, выразительным профилем, глубоко задумался у письменного стола. Перед ним портативная пишущая машинка, на каких обычно работают на Западе репортеры, беспокойные писатели и коммивояжеры,— словом, люди, жизнь и труд которых связаны с постоянными разъездами. В машинке — лист бумаги. В левой части листа выбито: **«Господину президенту Соединенных Штатов Дуайту Д. Эйзенхауэру, Белый Дом, Вашингтон».** Много скомканных листов с этим адресом, начатым и недописанным, валяется вокруг.

Стол поставлен необычно, так, что работающий сидит спиной к окну. Из этого, пожалуй, можно заключить, что владелец его не любит отвлекаться. Но сегодня это ему мало помогает. Не видя, он живо представляет то, что за окном: серые, тесно посаженные дома, живые тени еще голых грабов на сыром асфальте тротуара, колючий силуэт кирхи вдали. Ровный, не затухающий гул самого противоречивого из всех существующих городов, этот гул, который в обычное время ухо просто не фиксирует, сегодня, врываясь в комнату, тревожит воображение, воскрешает забытые образы, не дает сосредоточиться. Ведь не каждый же день, черт возьми, пишут послания президенту Соединенных Штатов!

Точно пытаясь отогнать от себя рой воспоминаний, разбуженных вдруг этим обычным уличным шумом, человек тряхнул головой, решительно выстукал слово «сэр» и поставил двоеточие. Все, что он решил сегодня написать, давно уже выношено, обдумано, выстрадано. Давно отвергнуты колебания, решение принято, и все же почему-то необыкновенно трудно уложить плоды давних раздумий в строки обычного делового письма.

Обращение написано, но что должно следовать за ним? С чего начать? Может быть, начать с Берлина, шум которого упрямо и неумолчно просачивается сквозь стекла окон,— с города, в котором автор письма в юные годы впервые пережил тоску одиночества, ощутил себя зверем, травимым сворой обезумевших от погони собак, познал, что такое ужас, и в первый раз не по-детски, а по-настоящему задумался над жизнью и, задумавшись, понял, что на земле у него есть смертельный враг, враг навсегда, до последнего вздоха — нацизм.

Все, что было до этого: детство, проведенное в патриархальной буржуазной семье, школа, увлечение спортом, юношеская дружба и молодая любовь, даже его антифашистское стихотворение, острое и едкое, наделавшее в Хемнице столько шума, стихотворение, из-за которого он, спасаясь от штурмовиков, был принужден бежать из родного города в столицу,— все это было лишь прелюдией. Настоящая суровая жизнь началась здесь, в Берлине, когда юноша, скрываясь от гестапо, метался по улицам, раздумывая, что ему делать: вернуться в Хемниц, отдаться полиции, чтобы она освободила отца, взятого вместо него заложником, или попытаться перейти границу... Даже сейчас, столько лет спустя, страшно вспоминать те дни, когда Гитлер, захватив власть, упивался ею: кровавые шабаши штурмовиков, массовые аресты, истерические митинги, черные автомашины, бесшумно разъезжающие ночью по пустым улицам, зловещие стуки в дверь под утро, когда сон особенно крепок, зарево книжных костров над площадями, переполненные тюрьмы. И в одной из этих тюрем заключен пожилой больной человек, повинный лишь в том, что его сын несколько лет назад напечатал антифашистское стихотворение. Автор этого стихотворения

ИЕ ПРЕЗИДЕНТУ

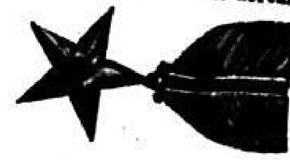
To the President of the United States
Dwight D. Eisenhower
The White House
Washington, D.C.

Sir: April 17th, 1953

I hereby resign my commission as an officer in the Reserve Corps of the United States Army.

I served honorably in that Army when it fought for democracy. I cannot serve in an Army that is engaged in the kind of war the United States is waging in Korea, nor in the wars which your Government has declared itself to be contemplating. I cannot serve in an Army using disease-carrying fleas and spiders. I cannot serve in an Army marching shoulder to shoulder with condemned Nazi war criminals.

My commission is enclosed. I am also enclosing my Bronze Star Medal, given to me while I was an enlisted man in World War II, for service above and beyond the call of duty in the battle of the Bulge. I cannot keep a medal which has been dishonored in the brutal and unjust war against the Korean people.

Signed: Stefan Heym

одиноко мечется в огромном перенаселенном городе. Кругом миллионы людей, и каждый может схватить, выдать, бросить на расправу пьяным штурмовикам... Нет, этого лучше не вспоминать...

После ужасов гитлеризма даже Прага, где юноша очутился, тайно перейдя границу, не казалась ему надежным убежищем. Он и в эту минуту не хочет скрывать от вас, господин президент, что ваша страна, отделенная от гитлеровского райха океаном, казалась ему тогда землей обетованной, где все устойчиво, покойно и где, согласно старой легенде, каждый является кузнецом своего счастья. И юный беглец с радостью использовал первую же возможность уехать из ненадежной Европы в вашу страну, под защиту звездочек и полосок вашего флага.

Ваша страна, господин президент, встретила юного антифашиста не так уж ласково. Он не сетовал, нет, он работал кельнером, продавцом, посыльным, иногда, когда вдруг везло, маленьким клерком и, полный оптимизма, не терял надежды выковать себе счастье на собственный манер. Потом ему повезло: начала издаваться антифашистская газета «Народное эхо», и его, как человека, на своей шкуре испытавшего, что такое нацизм, пригласили в нее сотрудником. Впервые получив настоящую работу, молодой эмигрант без определенных занятий сразу полюбил новую для него профессию. Став газетчиком, он пристальней вгляделся в жизнь страны и увидел, что и в Соединенных Штатах немало нацистов, не менее оголтелых, чем в Германии, что здесь открыто действуют нацистские объединения и союзы, что и тут за их спиной стоят могущественные капиталистические монополии и католическая церковь. Но все это уже не очень удивило его. Он был уже не тот наивный юнец, каким когда-то пересекал океан. Америка не казалась ему уже обетованной землей. Стараясь посильно разоблачать в своей маленькой храброй газетке явные и тайные происки американских агентов Гитлера, молодой человек из респектабельной буржуазной семьи получал первые навыки политической борьбы. Да, именно борьбы, хотя сам он в ту пору был глубоко убежден, что это только работа, интересная, доходная работа, не больше.

Но враг оказался не по плечу маленькой газетке. Она зачахла. Обошлось без явного нарушения «свободы» печати. Просто в один прекрасный день газетка не вышла, задушенная влиятельными друзьями Гитлера, подорвавшими ее финансы. Честно говоря, герой рассказа тогда не очень и задумался над причинами ее краха. Для него это означало прежде всего потерю работы. Он стал добывать себе на хлеб сбором объявлений. Надо же чем-нибудь кормиться! У других и этого не было. Но агент по сбору объявлений, уже почувствовавший силу своего пера, тянулся к литературе. Он затеял писать роман. Какой? Все равно! Лишь бы он имел успех. Лишь бы выбиться на дорогу. А это для честного человека, не желающего торговать убеждениями, трудно, ох, как трудно сделать в вашей стране, господин президент!

«Что пользуется здесь наибольшим успехом? Какие книги расходятся здесь миллионными тиражами? — раздумывал наш герой, охотясь за объявлениями.— Порнография и детектив... Порнографию в сторону, слишком уж гадко и грязно. Остается детектив. Но детективных романов пишется слишком много. В приемных издателей очень тесно, у неизвестного автора мало надежд на то, что его рукопись будет прочтена и привлечет внимание. Значит, надо писать необычно. А что, если написать роман о посрамленном детективе? У всех авторов детективы обязательно торжествуют, а тут посрамить его, высмеять, унизить. Ну да, это должен быть нацистский детектив, гитлеровский агент, действующий так, как они в то время действовали в Америке...»

Нет, сидя сейчас перед пишущей машинкой, герой рассказа даже в мыслях не хочет себя обманывать. Он и не мечтал стать писателем-трибуном, как Теодор Драйзер. Молодой автор замыслил роман как средство заработать деньги на жизнь в чужой стране, где было мало работы, как способ прорваться в литературу, которую он полюбил. Но это был честный, искренний интеллигент. Темой романа он выбрал нацизм и его страшные дела. От прикосновения к этой теме ожили воспоминания юности, воскрес образ отца, который, отсидев заложником, вышел из тюрьмы только для того, чтобы покончить с собой, и рядом с ним лица многих знакомых, замученных гестаповцами.

Эти образы властно вошли в роман, оттеснив на второй и третий план других первоначально задуманных персонажей. Они, эти первые жертвы нацизма, пленили авторское воображение, повели автора за собой, и вместо увлекательного детектива с необыкновенным концом из-под пера вышло вполне реалистическое, страстное, обличающее произведение, прозвучавшее как призыв к бдительности, адресованный народам.

Гусеницы гитлеровских танков уже гремели на всех европейских дорогах. Бесноватый фюрер снимался на фоне Эйфелевой башни. На бескрайних равнинах Советской страны, на фронте, пересекавшем весь европейский континент, завязалась невиданная битва с фашизмом. Книга вышла во-время. Она имела настоящий, серьезный успех. Она раскрыла перед автором двери издательств. Но воспользоваться этим своим успехом автору на этот раз не пришлось. Соединенные Штаты вступили в войну, молодой писатель был мобилизован в армию. Как немец и антифашист, да еще с навыками журналистской работы, он был направлен в пропагандистскую часть, которой предстояло подрывать политико-моральное состояние гитлеровского фронта и тыла.

Антифашисту в форме американской армии не терпелось поскорее попасть на родную землю. Он верил в бескорыстные освободительные цели, с которыми армия Соединенных Штатов пересекла океан. Ему хотелось поскорее применить свое оружие в деле. Но последняя пуговица к шинели солдата пришивалась слишком долго. Дивизии Соединенных Штатов скучали на Британских островах. Военному пропагандисту приходилось черпать ободряющие примеры для своих листовок и радиопередач из сообщений Советского Информбюро о сражениях, победах и наступлении Советской Армии.

Еще в дни работы в маленькой храброй антифашистской газетке герой моего рассказа убедился, что коммунисты всегда оказывались последовательными, безоговорочными антифашистами. Это были хорошие, мужественные ребята. С некоторыми из них он дружил, не очень, впрочем, вдаваясь в суть их политических доктрин. Но это были американские коммунисты. Советский Союз был далеко, и, надо признаться, он мало знал о нем.

Но теперь, ожидая по вечерам с Восточного фронта ободряющего материала для очередной листовки, он все с большим восхищением думал о далеком и незнакомом народе, которому одному оказалось под силу остановить нашествие всей гитлеровской коалиции, и не только остановить, а смять фашистские дивизии, ослабить их в непрерывных боях и принудить к отходу. Листовки, в которых он рассказывал о победах советского союзника, становились все искреннее, все горячее. Уже не профессиональный пропагандистский пафос, а искреннее восхищение звучало в них, и те взволнованные строки, которые он посвятил сталинградской победе и которые американские бомбардировщики несколько дней во множестве сбрасывали над Германией, были уже настоящей литературой. Ведь там, на далекой Волге, решалась судьба его несчастной родины, пораженной коричневой чумой, там занималась заря и для Германии. Он уже твердо знал, что это так, и каждое утро, проходя в военную столовую мимо карты, на которой отмечалась линия фронта на Востоке, невольно прикидывал глазом расстояние от ближайшей его точки до города Хемница, его родного города.

Но хотя затянувшееся бездействие западных союзников удивляло и даже мучило его, в те дни он все же гордился погонами армии, состоявшей тогда под вашим, господин президент, командованием. Он храбро воевал, этот немец в американском мундире. Нет, он и в мыслях не называет себя героем, он не водил роту в атаку на вражеские укрепления, не был всегда впереди своих солдат, как, скажем, ветеран гражданской войны в Испании, герой американской армии Роберт Томсон, награжденный многими орденами и заключенный сейчас в одной из ваших тюрем. Но он честно выполнял боевые приказы. Нацистские мины искалечили не один радиопередатчик, с помощью которого он разговаривал через фронт со своими соотечественниками. А раз, в горячем бою в Арденнах, в трудный для вашей армии час, он проявил настоящий героизм и был награжден орденом «Бронзовая звезда» за заслуги сверх выполнения солдатского долга.

Как истый интеллигент, он эту награду принял с деланным безразличием, но, поверьте, он очень гордился, да и сейчас гордится этим вещественным доказательством того, что честно воевал со страшным врагом своего народа и всего человечества. Да и сейчас не без радости он вспоминает те далекие уже теперь дни.

Человек снова встряхивает головой, точно желая отогнать рой воспоминаний, все назойливее и упорнее атакующих его. «Нет, этак никогда не закончишь письма!» Он начинает упрямо бить по клавишам машинки:

«Сэр: при сем я возвращаю мой патент офицера резервного корпуса армии Соединенных Штатов. Я с честью служил в этой армии, когда она боролась за демократию...»

Правильно ли он написал? Имел ли он для этого основание? Да, имел. Он служил с честью. Он хорошо, черт возьми, служил! Но как же это началось? Когда он впервые пожалел о том, что надел американский военный мундир? Неужели уже в дни, когда первые десанты со-

юзников высаживались во Франции? Нет, тогда он лишь с недоумением замечал излишнее пристрастие штабников к коммерции, спекуляцию солдатскими пайками, странный интерес отдельных крупных чинов к коллаборационистам из финансовых и промышленных тузов. Но тогда это казалось случайным. Он даже старался оправдать это: ну, янки — деловой народ, они никогда по-настоящему не воевали, для них это все-таки чужая война. Почему бы им при случае и не погреть руки у чужого пожара? И в семье не без урода. Так думал он тогда, стараясь мысленно найти оправдание стяжателям, спекулянтам, дельцам в военных мундирах, генералам, собственноручно приписывавшим ноли к цифрам трофеев и военных потерь в оперативных сводках.

Когда же впервые пришло это чувство жгучего стыда, безраздельно владеющее им сейчас, заставляющее его писать это письмо? Наверное, в дни, когда американские части уже шли по германской земле и когда он увидел, что его начальники больше озабочены не розыском попрятавшихся нацистских вожаков и военных преступников, а тем, как бы не разбежались заключенные из гитлеровских концентрационных лагерей. Наверное, в дни, когда он, человек, близкий к большим штабам, заметил, что некоторые его коллеги спешат защитить от справедливого народного гнева фабрикантов смерти, восстановить с ними довоенные связи и что тех офицеров, которые слишком уж проявляют свою ненависть к гитлеризму, начинают затирать, отодвигать в тень как людей странных и неудобных. Да, именно в те дни, а не раньше мундир американской армии стал стеснять немецкого антифашиста...

Позвольте, скажет советский человек, читающий эти строки. Позвольте, я где-то уже слышал нечто подобное. Мне почему-то уже знакомы эти мысли вашего героя. Не буду опровергать, возможно, весьма возможно. Но вернемся к герою повествования, который, как кажется, больше всего на свете озабочен тем, чтобы его не считали героем. Вот он сидит у своей машинки, и рука его, тонкая, бледная рука интеллигента, держит орден — красивую звезду, прикрепленную к ленте с полоской посредине. С каким волнением он принял когда-то из рук генерала эту награду! Как радовался он ей! Да, так было. А сейчас он хмуро откладывает орден в сторону и продолжает писать:

«Я не могу служить в армии, принимающей участие в такой войне, какую ведут Соединенные Штаты в Корее, или в войнах, которые планирует ваше правительство, как оно само об этом заявило. Я не могу служить в армии, которая применяет зараженных болезнями мух и пауков. Я не могу служить в армии, которая плечом к плечу марширует с осужденными нацистскими преступниками».

От дня, когда он впервые почувствовал, что ему стыдно носить американский военный мундир, до момента, когда написаны эти строки, прошло немало времени. Чудесное перевоспитание персонажей в заключительных сценах последнего акта бывает только в плохих пьесах. У него это проходило сложно, трудно и медленно. Это чувство росло в нем в течение долгих месяцев и впервые выплеснулось наружу в редакции «Нейес Цейтунг» — американской военной газеты, издававшейся оккупационными властями для немецкого населения. Он был одним из редакторов газеты.

Это было уже после войны. Шеф-редактор пригласил его в кабинет, и между ними произошел такой разговор:

— Вам придется написать в номер статью против Советов. Двести строк. Терминология энергичная, — распорядился редактор.

— Простите, что вы сказали?

— То, что вы слышали.

— Против наших союзников? Против этих славных парней, которых мы с вами так хвалили несколько лет подряд?

— Бывших союзников, бывших, мой дорогой,— вздохнул редактор.— И не скупитесь на термины, ваши соотечественники это любят.

— Но вы же сами еще недавно печатно и устно восхищались русскими?

— Об этом не будем вспоминать. Дело есть дело. Когда будет готова статья?

— Эта статья никогда не будет готова. Я не буду писать этой статьи.

Братство

Расул ГАМЗАТОВ

Украина — сказка далекого детства,
Мой сорокамиллионный друг,—
Всегда я чувствовал крепость сердца
И теплоту твоих сильных рук!

Коснувшись руки России могучей,
Становятся руки сильны и теплы.
Когда встречаются в небе орлы,
Они не боятся ни ветра, ни мглы,
Двоим не страшны им тучи.

Перевел с аварского Н. ГРЕБНЕВ.

— Вы ее напишете, Стэф. На вас офицерский мундир, а приказ есть приказ...

Некоторое время они смотрели друг на друга, два журналиста в американских офицерских мундирах. Они смотрели друг другу прямо в глаза. Каждый чувствовал себя правым.

— Я не могу писать эту статью. Не напишу.

— Тогда вы ответите по военным законам за невыполнение приказания, мой дорогой. Вы военнослужащий армии Соединенных Штатов. Подумайте-ка об этом.

И опять тяжелая пауза.

— Я выполню приказ, но напишу эту статью так, что вы, старина, ее не напечатаете.

Опять пауза, и потом:

— Ступайте к черту, господин коммунист!

Нет, он не был коммунистом, он и сейчас не коммунист. Но он был твердым человеком. Антисоветскую статью написал другой журналист, и она вышла в положенный срок, а через полтора месяца после этого разговора герой рассказа был переведен из действующей армии в резерв.

Хотя будущее было для него неясно, он обрадовался. Ему тягостно было находиться в армии и молча наблюдать офицеров, занимающихся мародерством, пьянством, темными делишками. Но в нем еще крепки были иллюзии: это, наверное, от безделья. В самой Америке все по-другому.

Но за океаном его ждали разочарования. Его жена и добрый друг, коммунистка, профработник, была без дела. Занесли в черный список. В журналистском мире его еще помнили как антифашиста, но то, что раньше ему помогало, теперь служило худую службу. Для журналиста-антифашиста не оказывалось места. Его с интересом расспрашивали о последних боях, о Европе, а на прощанье разводили руками: что ж сделаешь, если переполнены штаты!

Он сел за новый роман. Перебиваясь случайным заработком, в иные месяцы бедствуя, он упорно работал над ним. С большим уважением к американскому народу, с болью, чувствующейся в каждой строке, повествовал он о том, как армия, пришедшая в Европу с крестовым походом против гитлеровского мракобесия, разложилась, становилась палачом истинной демократии.

В те дни много американских солдат и офицеров, снявших военные мундиры, переживали подобный же стыд за позорный финал антигитлеровского похода. Первый правдивый роман о войне был горячо встречен и покупался нарасхват. Кинематографические фирмы договаривались о праве экранизации.

И вдруг все разом точно оборвалось. Смолкли газеты. Издательства не возобновили договора. Кинематографисты прервали переговоры. Роман и автор были преданы забвению.

Вот тут-то офицер резерва и узнал по-настоящему о переменах, какие произошли на его второй родине, пока он участвовал в освобождении первой.

Без крикливых униформ, в традиционной американской маске нацизм без выстрела овладевал американским материком. И ему, антифашисту, становилось жутко видеть, как гитлеровские идеи втихомолку, незаметно, точно разрастающийся лишай, поражают Штаты.

С каждым годом становилось трудней дышать. Но что делать? Возвращаться в Западную Германию, где уже маршируют бывшие эсэсовцы и штурмовики в униформах, перешитых по американскому образцу, где гитлеровский фельдмаршал Кессельринг пожимает руку верховному комиссару Соединенных Штатов? Это же невозможно! Все нутро переворачивается при мысли об этом. Но возможно ли просить убежище в Германской Демократической Республике ему, офицеру резервного корпуса Соединенных Штатов? Да и примут ли его там?

Оставаться в Америке? Но здесь все так напоминает сейчас страшные дни юности, когда он, скитаясь по Берлину, задыхался в дыму книжных костров, когда люди оглядывались вокруг перед тем, как сказать друг другу правдивое слово, и человек, повинный только в том, что у него есть собственное мнение, дрожал, ожидая своей судьбы в коридоре расследовательского учреждения.

Нет, и теперь он не стал борцом. Его не было в Пикскилле, когда куклуксклановцы подожгли на холме свой зловещий крест, когда пьяная чернь призывала линчевать Поля Робсона и был ранен Говард Фаст. Он не был в этот день среди славных американцев, истинных рыцарей свободы и демократии. Но когда американская армия начала войну в Корее и перед ним встал вопрос, как быть: ехать ли как офицеру резервного корпуса в чужую, далекую страну и рисковать жизнью, вырывая свободу у небольшого мужественного народа, или предстать перед лицом охотников за ведьмами, быть лишенным всех прав и заключенным в тюрьму,— он выбрал третий выход. Он покинул страну, которую фашизм завоевывал без танков, самолетов, без единого выстрела...

Так-то вот все с ним и получилось. И теперь он сидит перед письменным столом за машинкой. Из-за валика торчит недописанное письмо, которое должно подытожить плоды долгих и мучительных раздумий, обнародовать давно созревшее решение. Человек некоторое время вертит в руке орден и пренебрежительно отбрасывает его в сторону. Он пишет:

«Мой офицерский патент я прилагаю к письму. Я прилагаю кроме того мой орден «Бронзовая звезда», которым я был награжден как участник второй мировой войны за заслуги сверх выполнения солдатского долга в битве в Арденнах. Я не могу оставить себе орден, покрытый позором в зверской и несправедливой войне против корейского народа».

Подумав, он решает больше ничего не добавлять. Все ясно. Яснее не напишешь. Он ставит дату: **17 апреля 1953 год.** И подписывает: **Стефан Хэйм, бывший офицер резервного корпуса Соединенных Штатов.**

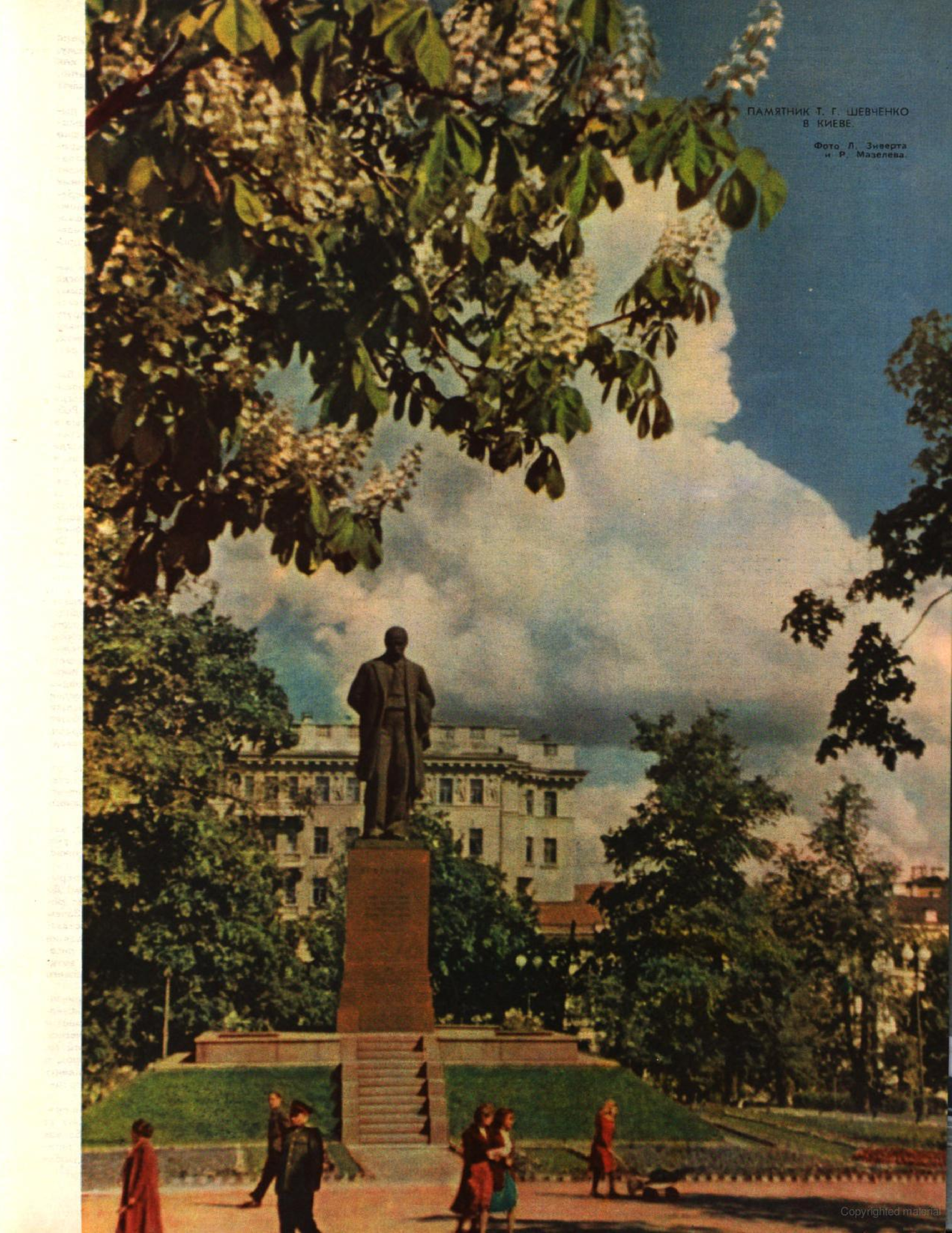
Написав это, он облегченно вздыхает, как будто сбросив с плеч тяжесть, и теперь, уже улыбаясь, прислушивается к шуму Берлина, такому знакомому с дней юности... Он...

Позвольте, позвольте, вмешивается, прерывая повествование, читатель. Стефан Хэйм! Да это имя автора широко известных у нас романов «Заложники» и «Крестоносцы». Зачем понадобилось давать это имя герою рассказа?

Нет, дорогой читатель, зря ты сердишься на меня. Это рассказ из подлинной жизни писателя Стефана Хэйма, которого у нас зовут Геймом, немецкого антифашиста, бывшего офицера американской армии.

Рассказывая о трагедии рядового американца, не героя, не трибуна и не борца — интеллигента, дважды оставшегося без родины и нашедшего ее в Германской Демократической Республике, я старался строго передать то, что сам слышал от него однажды вечером в дружеской беседе. И письмо его президенту Эйзенхауэру я с возможной точностью процитировал по английскому подлиннику.

Думаю, Стефан Хэйм простит мне, что я предал огласке нашу беседу, и извинит меня за некоторые вольности этого рассказа, ибо как истинный художник он знает, что жизнь интересней, драматичней, сложней и проще любого литературного повествования.

ПАМЯТНИК Т. Г. ШЕВЧЕНКО В КИЕВЕ.

Фото Л. Зиверта и Р. Мазелева.

Украинские писатели (слева направо): А. С. Малышко, М. Ф. Рыльский, Н. П. Бажан, А. Е. Корнейчук и П. Г. Тычина.

Фото Н. Козловского.

Интервью «Огонька»

Канал в Кара-Кумах

С. К. КАЛИЖНЮК

Начальник «Средазгидростроя»

В юго-восточной части Кара-Кумов, у самой границы с Афганистаном, раскинулась обширная Обручевская степь, названная так в честь ее первоисследователя В. А. Обручева. Собственно, название «степь» условно, это, скорее, пустыня, поросшая корявым саксаулом.

Как ни странно, лет сорок—пятьдесят назад этот суровый и пустынный уголок Туркмении прослыл как «золотое дно». Такой слух пустили текстильные фабриканты, увидевшие в Обручевской степи нечто вроде «русского Египта». Сухой и жаркий климат, дешевая земля, еще более дешевые рабочие руки, близость своего «Нила» — Аму-Дарьи,— чем не условия для создания плантаций длинноволокнистого хлопчатника?

К «золотому дну» протянули руки США, направившие сюда в 1912 году специальную экспедицию. Но экспедиция оказалась бесплодной.

Советские исследователи установили, что пригодные для орошения участки земли в Обручевской степи рассеяны на большом пространстве. Зато в западной части пустыни были обнаружены огромные массивы земель, годных под посевы хлопчатника. Они являются как бы продолжением существующих здесь издревле оазисов — Мургабского и Тедженского. Сотни тысяч гектаров, иссушаемые солнцем, лежали втуне. Не было воды — не было жизни.

Недавно Совет Министров СССР и Центральный Комитет КПСС приняли постановление «О дальнейшем развитии хлопководства в Туркменской ССР на 1954—1958 годы», предусматривающее строительство Кара-Кумского канала. Этот канал, используя воды Аму-Дарьи, оживит огромный, ныне пустынный край. Он оросит более ста тысяч гектаров, которые покроются ковром хлопковых полей. Здесь найдут пищу миллионы овец.

Канал будет судоходным, он свяжет такие крупные населенные пункты, как Мары, Теджен. Будут сооружены водохранилища и гидроэлектростанции.

Кара-Кумский канал явится как бы второй по величине рекой Туркмении. Общая протяженность оросительной сети составит десятки тысяч километров. Главная особенность канала в том, что на всем своем протяжении он будет самотечным, и, значит, на Аму-Дарье не надо сооружать дорогостоящей плотины.

Сейчас строится первая очередь канала протяженностью 400 километров. Первоначально в канал будет поступать из Аму-Дарьи 150 кубометров воды в секунду. После завершения строительства, рассчитанного на три очереди, расход воды достигнет 350 кубометров в секунду.

Воды Аму-Дарьи содержат много ила. Это очень выгодно: ил оплодотворит поля, а частицы его закрепят дно и стенки канала, что предотвратит фильтрацию влаги.

Трасса канала пройдет частично по древнему, высохшему руслу Келифского Узбоя, тянущемуся на запад почти от самой Аму-Дарьи. На север от Келифского Узбоя лежит довольно большая впадина. Чтобы вода не ушла сюда из канала, придется строить плотину.

Самый тяжелый участок трассы — 200 километров барханных песков.

Сейчас в Кара-Кумах отцветает короткая весна. Желтеют травы, быстро испаряется накопленная за зиму влага. Днем жара достигает порой сорока градусов. В эти дни мощные экскаваторы вынимают первые кубометры грунта из ложа будущей реки. Они идут по трассе от города Мары к Аму-Дарье. Навстречу им плывут землесосы. Именно плывут: канал на протяжении ста километров уже заполнен водой.

В этом году будут закончены почти все работы на Келифском Узбое, весной 1957 года на хлопковые поля пойдет первая вода из Кара-Кумского канала.

ЛЕТНИЙ СЕЗОН ОТКРЫТ!

Вместе с весной с юга на север шествует новый спортивный сезон. Он начался 4 апреля на стадионах Тбилиси, Баку, Киева и Харькова и 1 мая под флагами многочисленных добровольных спортивных обществ, под звуки торжественного марша вступил на беговую дорожку московского стадиона «Динамо». Мимо переполненных трибун торжественным маршем проходят прославленные мастера и физкультурная молодежь. К небу взвивается красный флаг открытия летнего спортивного сезона.

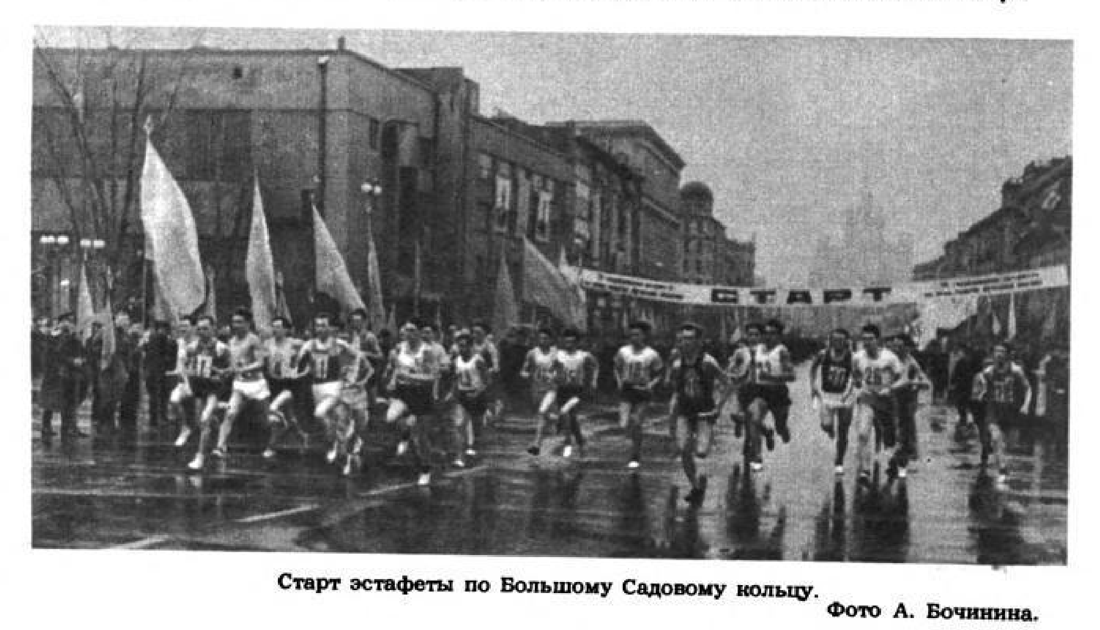
...На центре поля судья Н. Латышев устанавливает футбольный мяч. По традиции, право первой игры в столице получают сильнейшие команды страны — чемпион СССР и обладатель кубка. На сей раз это спартаковцы и динамовцы Москвы. В этот день команда «Динамо», а вместе с ней ее болельщики вписали в турнирную таблицу два полновесных очка.

Вместе с футболистами начали летний сезон и легкоатлеты. Даются старты мужчинам и женщинам на 100 метров, стремительно пролетает стадионный круг эстафетная палочка, идет напряженная борьба на дистанции 3 тысячи метров. А 2 мая — уже в двадцать восьмой раз — ареной борьбы столичных бегунов оказались улицы и площади Москвы. На протяжении 15 километров 570 метров состязались 29 команд, и в тринадцатый раз победу одержали динамовцы, пройдя дистанцию за 36 минут 37,6 секунды. Это — новое достижение. На втором месте армейцы — прошлогодние победители эстафеты на приз газеты «Вечерняя Москва».

В тот же день в Нальчике на соревновании по легкой атлетике, посвященном дню 1 Мая, были установлены два новых всесоюзных рекорда: Михаил Кривоносов метнул молот на 60 метров 74 сантиметра, Владимир Кузнецов метнул копье на 76 метров 61 сантиметр.

Момент игры «Спартак» — «Динамо» в день открытия футбольного сезона в Москве.

Старт эстафеты по Большому Садовому кольцу.

Фото А. Бочинина.

Народный писатель, государственный деятель

12 мая исполняется 50 лет со дня рождения народного писателя Латвийской ССР, дважды лауреата Сталинской премии Вилиса Тенисовича Лациса. От портового грузчика, кочегара и безработного в буржуазной Латвии до крупного советского государственного деятеля, председателя Совета Министров Латвийской ССР и популярнейшего писателя — таков путь Вилиса Лациса.

В 1930 году Лацис работает в артели рыбаков и на лесопромыслах. Член Коммунистической партии Латвии, он активно участвует в борьбе трудящихся против капиталистов, которые в связи с обострением экономического кризиса стали усиленно готовить фашистский переворот. По ночам, после сурового трудового дня, В. Лацис занимается самообразованием: читает марксистско-ленинскую литературу, книги советских авторов, и в то же время начинает писать сам, стремясь в художественных образах воплотить все то, что пришлось видеть и пережить.

Вилис Тенисович Лацис.

Фото В. Руйковича.

С самого начала творческой деятельности В. Лацис проявляет себя как своеобразный и смелый художник, тяготеющий к эпической форме. Широким читательским массам он становится известен своей трилогией «Бескрылые птицы» (1931—1932). В этом произведении молодой писатель бросает смелый вызов классу эксплуататоров, раскрывает ту ужасающую бездну, в которую капиталистический мир сталкивает слабых людей, еще не нашедших путь борьбы с ним.

В 1933—1934 годах Вилис Лацис пишет одно из своих лучших произведений — роман «Сын рыбака». На примере ярко и всесторонне обрисованного главного героя книги Оскара Клявы автор показывает, какую тяжелую и неравную борьбу в условиях буржуазной Латвии приходилось вести честному и правдивому труженику против разных хищников-капиталистов и политических авантюристов. В 30-е годы В. Лацис публикует также ряд других романов и рассказов.

После освобождения Латвии Вилис Лацис создает свои широко известные произведения — «Буря» и «К новому берегу». Эти эпопеи занимают выдающееся место не только в латышской, но и во всей советской литературе. В образах положительных героев — коммунистов Андрея Силениека, Яна Лидума, Карла Жубура и других — воплощено неразрывное единство Коммунистической партии и народа. Вилис Лацис пишет о том, как встал на ноги латышский народ, как в нем зародилась, выросла и окрепла революционная, преобразующая жизнь сила.

В новом произведении писателя — в романе «Поселок у моря» (1953—1954) — рассказывается о сегодняшнем дне латвийских рыбаков. Значительное место здесь снова занимает Оскар Клява. Овеянный боевой славой, он вернулся с фронтов Великой Отечественной войны, вступил в Коммунистическую партию и стал активным строителем нового общества.

Сила и значение прозы В. Лациса заключается в том, что он в своих широких полотнах освещает назревшие вопросы жизни, создает типические характеры представителей различных социальных слоев и показывает народ как созидательную и движущую силу истории.

В апреле, на первой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, В. Лацис избран Председателем Совета Национальностей.

К. КРАУЛИНЬ

НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ

Министр иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики Нам Ир и министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай на аэродроме в Женеве.

Заметки польского журналиста

Эдмунд ОСМАНЧИК

Яркими красками весны встретила нас, корреспондентов, Женева — город, куда обращены сейчас глаза людей всех стран.

В городе много цветов, яркой зелени. Раскрываются почки деревьев, зацвели рододендроны в Ботаническом саду. Солнце резко очерчивает город, золотит гладь Женевского озера и словно приближает к вам горы, над которыми возвышается снежная шапка Монблана.

Сидя на террасе кафе, приютившегося на маленьком островке, там, где Рона вытекает из Женевского озера, мы с друзьями греемся на полуденном солнце. Тут же, возле самого островка, плавают белые лебеди, среди которых как-то затесался черный, злобствующий лебедь-самец.

В. М. Молотов приветствует Чжоу Энь-лая.

Внезапно черный лебедь яростно захлопал крыльями, вода вокруг него заклокотала. Мы оглянулись. Только два—три белых лебедя с беспокойством посмотрели на буяна, остальные же спокойно и даже несколько презрительно взирали на этот, должно быть, уже привычный им приступ бешенства.

Эта сцена прервала наш разговор. Но когда мы вернулись к нему, мы почему-то в один голос заговорили об американском представителе.

Нам рассказывали, что Даллес в первый же воскресный день молился в Женеве своему пресвитерианскому богу о ниспослании удачи планам Соединенных Штатов. Об этом было даже официальное сообщение американского агентства печати. Но что такое планы, отстаиваемые Даллесом, хорошо известно всем.

Судя по его вызывающему, пышущему ненавистью выступлению, он мечтает лишь об одном: как бы ликвидировать наметившееся в Берлине ослабление международного напряжения.

Американская печать еще в канун Женевского совещания постаралась «прокомментировать» эти планы в виде многочисленных вызывающих деклараций, бесцеремонных окриков и прямых угроз. Среди заполнившей Женеву журналистской братии есть корреспонденты из западноевропейских стран, которые утверждают, будто все это только «технические приемы» американской дипломатии: употребление «крепких» словечек, высокомерный тон в отношении всего «неамериканского», разговор со всем миром «с позиции силы». Однако американские напалмовые бомбы, которые до недавнего

Прибытие в Женеву министра иностранных дел СССР В. М. Молотова.

Общий вид зала заседаний Женевского совещания.

Делегации СССР и Китайской Народной Республики на Женевском совещании.

времени сбрасывались в Корее, теперь, кажется, предназначаются для Индо-Китая. Это свидетельствует, что указанные «приемы» американской дипломатии направлены к определенной практической цели. Поэтому ошибаются те наши коллеги, которые предлагают нам не принимать всерьез «американский шум».

Мы смогли здесь, в Женеве, оценить силу других голосов — голосов сторонников мира. С трибуны совещания мы слышали выступления представителей Советского Союза и народного Китая. Для всякого непредубежденного человека ясно, что обе великие державы стремятся только к одному — к ослаблению международного напряжения, к прочному миру в Азии и во всем мире.

В прошлом году Даллес, совершая кругосветное путешествие, высказался в одном из интервью о создавшемся в Азии положении. Борьба в Азии,— заявил он,— это, собственно, борьба между... демократической Индией и коммунистическим Китаем. — Тогда Даллес явно рассчитывал на то, что Индийский полуостров станет американской базой против народного Китая. А в 1954 году он уже выступил против того, чтобы Индия приняла участие в Женевском совещании, посвященном важнейшим вопросам, волнующим народы Азии. Эти народы ясно показывают теперь, что готовы обойтись без «услуг» Даллеса.

Совещание в Женеве продолжается. Полицейские Женевы, одетые в мундиры XIX столетия, исправно салютуют входящим в зал заседаний делегатам пяти великих держав и другим делегациям... Весь мир надеется, что Женевское совещание станет доподлинно историческим совещанием именно потому, что в нем участвует, кроме СССР, Англии, США и Франции, на равных началах Китайская Народная Республика.

Ежедневно около трех часов дня толпы журналистов и фоторепортеров осаждают подъезды Дворца Наций, вглядываясь в подъезжающие машины. Стало обычным, что фоторепортеры, особенно американские, подымают истошный крик, чтобы обратить на себя внимание высаживающихся из автомобилей министров. Несколько дней назад кто-то из них крикнул:

— Просим господина Молотова улыбнуться в нашу сторону.

Молотов и без того улыбался. Довольные репортеры, подхватив свои фотоаппараты, штативы и прочее «вооружение», бросились к Даллесу. Но американский государственный секретарь с кислым выражением, застывшим на его лице с первого дня Женевского совещания, и с крепко сжатыми губами тупо всматривался в толпу. Ни одному фоторепортеру не удалось запечатлеть лицо американского министра — вплоть до самого его отъезда — сколько-нибудь согретое женевским солнцем...

Совещание в Женеве началось хорошо вопреки предсказаниям тех, кто делает ставку на его провал. Противники разрядки международной напряженности, конечно, будут стараться громоздить новые препятствия. Но защитники мира и справедливости будут настойчиво расчищать дорогу к мирному разрешению жгучих проблем Азии и других международных вопросов.

Женева. 2 мая.

Фотокорреспонденты западной печати пускают в ход самые неожиданные способы, чтобы обеспечить свои газеты «сенсационными» снимками.

Американская военщина заполонила порт Пусан.

В Южной Корее

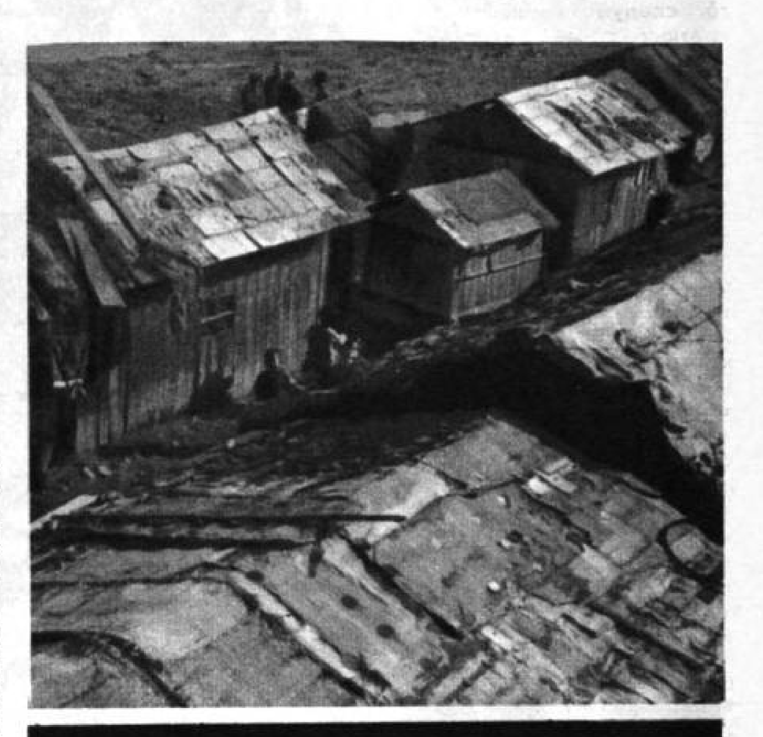
Прошло уже немало времени после прекращения военных действий, но ничего не изменилось в тяжелом положении трудящихся Южной Кореи. Большинство рабочих лишено работы. Массы людей, не имеющих средств к существованию, скитаются по стране. Многие заводы и фабрики разрушены, а большая часть сохранившихся закрыта. В Сеуле бездействует большинство промышленных предприятий. В таком промышленном районе, каким является Инчон, из каждых десяти фабрик закрыты девять. На крупнейшей в Южной Корее угольной шахте Самчен американская администрация за одну ночь выбросила на улицу 12 тысяч рабочих. Свыше 600 рабочих шахты Хвасун забастовали в знак протеста против увольнений, и все были арестованы. Многие поплатились жизнью за участие в забастовке.

Экономический контроль над фабриками, заводами, шахтами, рудниками, железными дорогами, банками Южной Кореи, над банковскими операциями давно перешел в руки агентов американских монополий.

Американские бизнесмены создали в Южной Корее ряд компаний и предприятий. Американское «Электрическое общество», нефтяная компания, мореходное общество «Тэхан» прибрали к своим рукам все электростанции, монополизировали добычу нефти и мореплавание. Американцы завладели десятью наиболее важными золотыми рудниками Южной Кореи, такими, как Кымден, Ульпхо, Кимде и другие.

Официальное телеграфное агентство Южной Кореи вынуждено было признать, что «в Южной Корее в результате разрушений оставалось всего лишь 173 завода и фабрики, в том числе 70 мелких текстильных фабрик, 45 химических предприятий и 14 механических мастерских. Однако и эти национальные предприятия обречены на банкротство, так как южнокорейский рынок наводнен американскими товарами».

Американская пропаганда много кричит о так называемой «послевоенной помощи» Южной Корее. Но «помощь» американских монополистов — это лишь дальнейшее закабаление Южной Кореи, обрекающее рабочих, крестьян и интеллигенцию на еще более бедственное положение. Объявив о «помощи» Южной Корее, американские дельцы вывезли в Японию десятки тысяч тонн риса из урожая 1953 года. В Сеуле они овладели рядом новых зданий, в том числе гостиницами «Чосен» и «Пандо». Газета «Сеул синмун» писала: «Средние школы в Кёнге, 32 наиболее крупные школы Сеула заняты в настоящее время войсками ООН... Нет никакой надежды на то, что эти школы снова будут работать».

↑ Здесь ютится беднота города Тэгу.

Дети-нищие в Тэгу. ↓

Корреспондент индийской газеты «Таймс оф Индиа», посетивший Южную Корею, рассказывает: «Улицы Сеула наполнены детьми, дрожащими от холода и роющимися в мусорных ямах в напрасных поисках объедков».

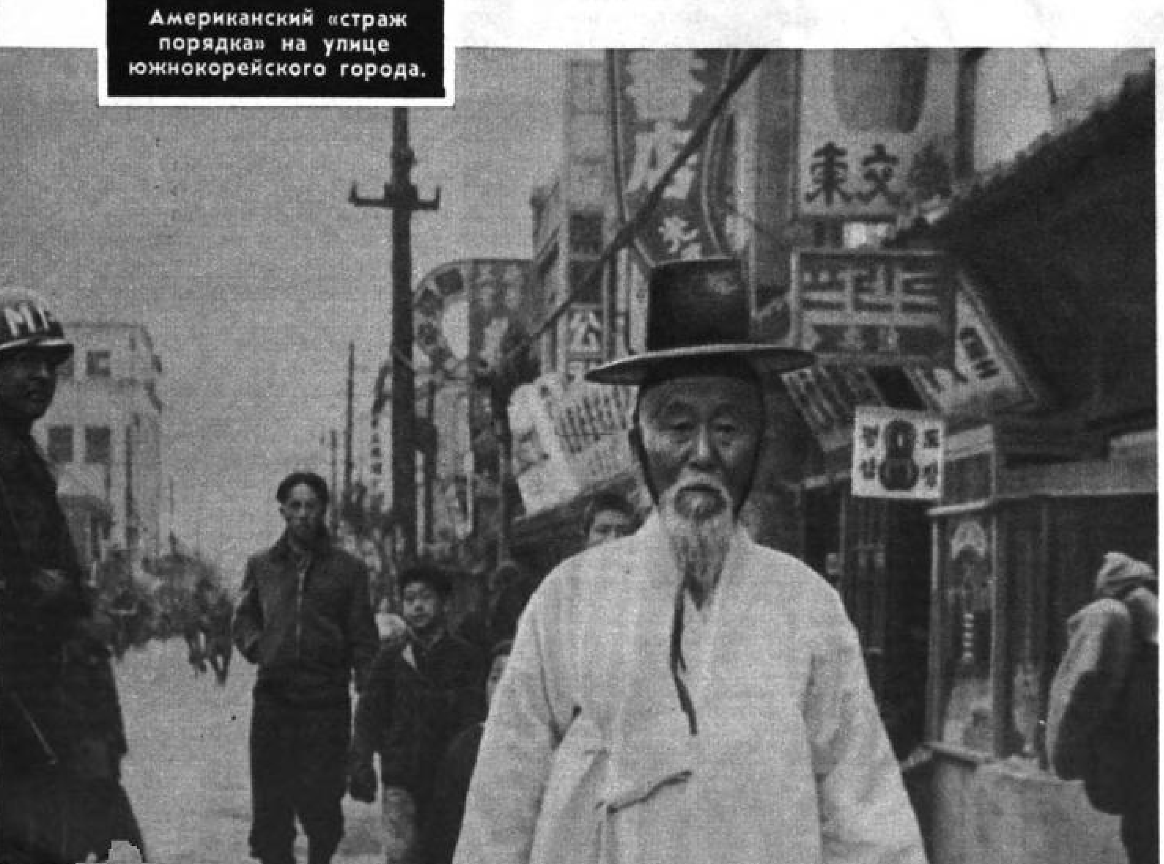
О крайне тяжелом положении населения вынуждена говорить и южнокорейская печать. Агентство Тоньян Тхонсин недавно сообщало из Сеула, что в настоящее время в Южной Корее насчитывается более 730 тысяч калек и людей, потерявших трудоспособность за время войны. Но что может ждать их, если на территории Южной Кореи не может найти работы даже здоровый, работоспособный человек?

За все эти нечеловеческие страдания народа несет ответственность лисынмановское «правительство». Это не вызывает сомнений даже у буржуазных корреспондентов, в том числе и американских. Как известно, американский журналист Марк Гейн отозвался недавно в журнале «Нейшн» о Ли Сын Мане как о «деспоте, демагоге и опасном обманщике». Другой американский корреспондент, Мартин, который побывал в Южной Корее, дал в газете «Нью-Йорк пост» следующую характеристику марионеточному «государству» Ли Сын Мана: «Южнокорейский режим, находящийся под контролем американских армейских властей, по своему произволу, преступности и жестокости обладает специфическим характером полицейского государства».

Лисынмановская клика никогда не отражала и не может отражать желаний и чаяний корейского народа, который не хочет военной шумихи и отвергает авантюристические планы подготовки новых военных походов. Патриоты Кореи хотят мира и созидательного труда во имя счастливого будущего своей родины, объединенной, независимой, демократической Кореи.

Н. ХОХЛОВ

Американский «страж порядка» на улице южнокорейского города.

В. Я. Карасев у станка на немецком заводе.

ДРУЖБА

А. СТАРКОВ

Владимир Якумович Карасев, токарь-наладчик Кировского завода, провел недавно двадцать один день на машиностроительных предприятиях Германской Демократической Республики — в Берлине, Лейпциге, Дрездене и Карл-Маркс-штадте, бывшем Хемнице.

Прежде чем приступить к рассказу об этой интересной и поучительной поездке старого ленинградского рабочего, следует хотя бы в кратких словах рассказать о нем самом. Но сделать это нелегко: за плечами у человека большая, трудная жизнь.

Карасев — ровесник века, и многие события века вошли в его жизнь, в его биографию.

В канун первой мировой войны мальчишкой тринадцати лет он сбежал из дому от мачехи, которая измывалась над ним. Ночью забрался в товарный поезд, стоявший на запасных путях станции Пенза, услышал какое-то громкое почмокивание во тьме, коснулся чего-то теплого, мягкого, тут же отпрянувшего от него, понял, что попал в теплушку с лошадьми, зарылся в сено и заснул. Солдат, пришедший утром кормить коней, вместе с сеном схватил в охапку и мальчишку, попятился в ужасе и чуть было не вывалился из вагона... Эшелон был уже далеко от Пензы, он вез на запад казачью дивизию. Узнав горькую володькину историю, казаки решили не прогонять его и, пряча от грозного начальства, довезли до города Балтийский порт, что рядом с Ревелем. Дальше дивизия шла своим ходом, и скрывать мальчишку больше нельзя было. Кто-то из казаков устроил его к своему земляку, служившему старшиной на береговой батарее в крепости Петра Великого.

Так он стал балтийцем. Числясь воспитанником, прибирал казарму, разводил самовары офицерам, ухаживал за сторожевыми собаками, а с началом войны был определен в орудийный расчет подносчиком снарядов. В залив прорывались немецкие подводные лодки, однажды проник крейсер. Батарея била по вражеским кораблям, и подносчику снарядов хватало работы... Но вскоре его перевели на военный транспорт «Николаев» в машинные юнги. Вот тут, на «Николаеве», он нашел второго отца, который заменил ему родного. Трюмный машинист Якум Губайдулин, одинокий, нелюдимый, никогда не имевший семьи татарин, заканчивавший уже третий срок службы на флоте, всем сердцем привязался к юнге и усыновил его. Они всегда были вместе — на вахте и между вахтами, на корабле и на берегу. Они были вместе и в октябрьскую ночь семнадцатого года, когда отряд кронштадтских моряков прибыл в Петроград на помощь восставшим рабочим. Они были рядом и в тот час, когда матросы, наступая со стороны Александровского сада, опрокинули баррикаду из поленниц, воздвигнутую юнкерами, и ворвались в Зимний дворец. Якум с винтовкой, а Володька с карабином в руке бежали по комнатам и залам дворца, преследуя юнкеров. В один из залов юнга влетел первым, увидел на возвышении широкое золоченое кресло, подбежал к нему, присел на секунду, перезарядил карабин и понесся дальше. А кресло это было тронное, и позже дядька Якум долго еще подшучивал над своим любимцем: «Ну, ты, царский наследник!»...

Кронштадт провожал отряд моряков на гражданскую войну. Перепоясанные пулеметными лентами, плечом к плечу шагал через город Якум с приемным сынишкой... Балтийцы дрались с колчаковскими бандами на Каме, на Туре. Не одна буйная матросская головушка полегла в боях. Навсегда остался в уральской земле трюмный машинист Губайдулин... Окреп, возмужал его ученик и приемыш, теперь уже не юнга, не «салаженок», а обстрелянный и опаленный порохом балтийский матрос Владимир Карасев.

...В середине двадцатых годов в механическом цехе завода «Красный путиловец» (ныне Кировский) появился новый токарь. Был он во флотском бушлате, в матросской бескозырке. Завод начинал выпуск тракторов, и здесь высоко ценилась каждая пара умелых рабочих рук. А руки у токаря в бескозырке оказались не только умелыми, но и жадными на работу: им мало было одного токарного ремесла — научились фрезерному, строгальному, шлифовальному. Любой станок в цехе стал подвластен рукам Карасева. Уже через год его выдвинули в наладчики, в настройщики оборудования. Профессия эта тонкая, не менее тонкая, чем, скажем, профессия настройщика роялей. Плохо налаженный, неточно выверенный станок фальшивит, сбивается с тона, как и плохо настроенный музыкальный инструмент. Прибыл новый станок никому не известной марки — кто первым разберется в его хитром механизме, кто пустит? Наладчик. Получен ли новый заказ, внедряется ли новая технология — без настройщика не обойтись. И всегда у него разнообразие в работе, всегда он в разведке, в увлекательных поисках. А когда есть у человека интересное дело, время летит незаметно.

Прошли годы — прошли две войны: с белофиннами и Отечественная... На обеих был Карасев.

У Владимира Якумовича сохранилась боевая характеристика, выданная ему комиссаром дивизии народного ополчения. Вот выписка из этого документа:

«Товарищ Карасев В. Я., мотоциклист-связист, проявил смелость и находчивость в борьбе с немецким фашизмом.

В бою под дер. Щепино 12 августа 1941 года добровольно восстановил нарушенную связь с командным пунктом, проскочив на мотоцикле через зону, которая простреливалась противником.

Находясь в разведке в районе дер. Войново, заменил убитого командира роты и организовал отпор врагу...»

Войну Карасев заканчивал в Германии и некоторое время — с полгода — оставался там после войны. По роду воинской службы ему часто приходилось бывать в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Хемнице, в маленьком городишке Штольпене. А потом — возвращение домой, в родной Ленинград, на свой завод, к родному делу.

Через восемь лет он снова побывал в Германии, в той ее части, которая стала демократической, в восточном секторе Берлина, в Лейпциге, Дрездене, Хемнице, названном теперь Карл-Маркс-штадтом, в маленьком Штольпене.

Он приехал как делегат Ленинграда, как член советской рабочей делегации.

Первый завод, куда его пригласили с товарищами, был «Бергман-Борзиг», расположенный в берлинском пригороде. Карасев знал историю этого предприятия. Были два завода: крупный машиностроительный «Борзиг» и небольшой «Бергман». «Борзиг», оказавшийся во французской зоне оккупации, подвергся полному демонтажу и консервации, а его рабочих выбросили за ворота. Продукция, которая выпускалась в свое время на «Борзиге» — оборудование для городского хозяйства,— была, как хлеб, необходима восстанавливавшемуся демократическому Берлину. И потому народная власть решила возродить это производство в другом месте, на территории старого, полуразрушенного кабельного заводика. «Дадим Берлину новый Борзиг!» — этот лозунг поднял десятки тысяч горожан, превратившихся в добровольных строителей.

Советские делегаты ходили из цеха в цех. Видимо, желая как можно больше показать им, их вели слишком быстро. Но вот вся группа остановилась около токарного станка, марку которого Владимир Якумович определил еще издали: «Найльс». Пожилой сухопарый токарь в очках производил ступенчатую обработку стального вала. Карасев машинально, по профессиональной привычке, быстренько прикинул на глаз примерные длину, диаметр и вес детали, скорость резания и величину подачи. Инженер спросил, нет ли среди делегатов токарей и не пожелает ли кто-нибудь из них продемонстрировать свое искусство. Карасев шагнул вперед, стал рядом с хозяином станка, а тот, в свою очередь, подался чуточку назад и в сторону, уступая место русскому токарю.

К станку стекались рабочие, плотное кольцо окружило Карасева. Неожиданно для всех он выключил мотор, отвернул и снял резец. Хозяин «Найльса» вопросительно взглянул на гостя. Что ему не понравилось? Разве резец недостаточно острый? Нет, вполне достаточно, но геометрия пластинки не устраивала Владимира Якумовича. Он попросил провести его в заточное отделение и там, окруженный еще большей толпой, придал резцу какую-то странную форму, вызвавшую недоуменный шепоток среди немцев. Это был комбинированный резец, в котором Карасев соединил три метода

заточки, предложенные в разное время советскими производственниками — инженером Савиным и токарями Бирюковым, Колесовым. Они, эти методы, взаимно, казалось, исключали друг друга. А Карасев, экспериментируя у себя в цехе, смело объединил их и получил новый резец, который был исключительно стоек.

Вот и сейчас Владимир Якумович сразу же включил высокую скорость и одновременно резко увеличил подачу суппорта. Стружка пошла толстая, крутая, она взвивалась над станком, и люди невольно загораживались от нее руками. А ленинградский токарь продолжал прибавлять обороты. Он весь отдался этой борьбе за скорость, которая всегда увлекала, захватывала его. Он не заметил, как кто-то накинул ему на плечи халат, а кто-то протянул папиросу, и он взял ее губами, но прикурить не успел, так и продержав во рту незажженной, пока не закончил работу.

Обточенный им вал переходил из рук в руки. Отвернули резец, и он тоже пошел по рукам. Переводчик не требовался: все видели, на какой огромной скорости работал приезжий, все видели готовую деталь, все видели резец, и язык труда был понятен без перевода. Потом резец аккуратненько завернули в целлофан и передали Карасеву, как его собственность, но он пакета не взял. Он подарил этот пакет хозяину станка.

Газеты написали о Карасеве, напечатали его фотографию, поместили описание резца. И на заводах, куда приезжали советские гости, спрашивали, кто из них будет «шнелльдрейер (токарь-скоростник) геноссе Карасьоф». Владимир Якумович подходил к станку, показывал резец, вернее, многие, самые разнообразные резцы, которые применяются в Советском Союзе для скоростного и силового резания металла. Он их тут же затачивал, а после работы оставлял на станке.

В Лейпциге делегация посетила «Кировверке», завод подъемно-транспортного оборудования. Как только миновали проходную, на Карасева глянули с большого портрета веселые, чуть прищуренные глаза широколицего человека в полувоенной фуражке, из-под которой выбивалась непокорная шевелюра,— глаза Кирова. Не раз видел его Карасев в своем цехе, не раз слушал пламенные речи Мироныча. Помнится, когда было туго с выпуском тракторов, Киров сказал заводским партийцам: «Не знаю, как технически, но по-коммунистически это может и должно быть сделано!». Для коммуниста Карасева слова эти навсегда стали жизненным девизом... Теперь он, токарь Кировского завода в Ленинграде, шел по цехам Кировского завода в Лейпциге...

На «Кировверке» в распоряжение Владимира Якумовича предоставили огромную стальную болванку, такую, чтобы ее хватило часов на семь обточки. Предполагалось, что токари будут сходиться небольшими группами и Карасев в течение завтрашней дневной смены продемонстрирует каждой из них свои методы. Среди прочих новинок он собирался показать резец с переменными углами и вертикально поставленной пластинкой. Тут же, по эскизу Карасева, отковали заготовку для такого резца, напаяли пластинку, и Владимир Якумович заточил ее так, как ему требовалось. Потом он пошел в механический цех выбирать станок. Ему понравился «Найльс», стоявший у окна. Начальник цеха познакомил гостя с токарем, работавшим около этого «Найльса». Токаря звали Хорст Хумк. Это был сравнительно молодой человек, лет тридцати.

Кран подтащил болванку. Карасев расцентровал ее и, решив испытать мотор, раза два прогнал по ней резачок. Пока Владимир Якумович снимал стружку, Хорст не сводил глаз с его рук. Карасев остался доволен станком, мотором, позволявшим развивать большую скорость, положил резец в инструментальный ящик и распрощался с Хумком до утра... А утром, придя с переводчиком в цех, он увидел, что стальная болванка, лежавшая около станка, изрядно похудела за ночь, превратившись из толстой тумбы в тонкий стержень. Стоявший тут Хумк смущенно улыбался.

— Русский товарищ,— сказал Хумк,— не должен на меня обижаться. Мне хотелось самому попробовать ваш скоростной способ, ваш резец... Я немного поработал. Началась вечерняя смена, люди подходили и просили меня показать в действии этот удивительный резец. Я показывал и не заметил, как заступила третья, ночная смена. И снова подходили люди... Разве мог я им отказать? Вот как это получилось... Но вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Ваш инструмент в полном порядке.

Резец и в самом деле выглядел так, словно всю ночь пролежал нетронутым в ящике: ни зазубринки, ни царапины. Не то что перетачивать — даже подправлять не надо было. Что же касается болванки, то взамен ее кран уже нес в воздухе другую...

— Так вы, значит, всю ночь не уходили с завода? — спросил Карасев.

— Не уходил,— сказал Хумк.

А днем, когда Карасев демонстрировал свои методы, свои резцы людям первой смены, он делал это не один, а вместе с Хорстом Хумком, который был у него отличным ассистентом.

Из Лейпцига делегация проехала в Дрезден. А от Дрездена рукой подать до маленького Штольпена. В первые послевоенные месяцы, Карасев провел в этом городке несколько недель, и сейчас ему захотелось снова побывать там. Улучив свободный час между посещениями заводов, Владимир Якумович раздобыл мотоцикл и отправился в Штольпен. Шоссе туда превосходное — мигом оказался у цели. Вот старинный королевский замок, вот школа, крытая красной черепицей, вот городская магистратура, а вон и сам бургомистр, вышедший на крыльцо. Он увидел мотоциклиста, прищурился, узнал и приветственно машет рукой. Хороший старик! Коммунист, подпольщик... Карасев помнит его только что вышедшим из концлагеря — изможденным, без зубов, с трясущимися руками... Но сколько в нем было энергии! Требовалось срочно дать городу свет, воду, обеспечить подвоз продуктов. Сутками не спали тогда работники советской комендатуры, сутками не спали вновь назначенный бургомистр и его друзья...

Владимир Якумович не мог долго оставаться в Штольпене. Он прошелся с бургомистром по улицам, никуда не заходя — ни в школу, ни в клуб, ни в новое кафе. Заглянули только в контору колбасного завода. Здесь нельзя было не навестить одного старого знакомого. Человек этот пришел, помнится, в комендатуру, назвался слесарем с колбасного завода и сказал, что хозяин сбежал, но можно и без него как-нибудь прожить. Главное, оборудование цело, нужно немножко отремонтировать и пустить. Вот это он и берется сделать. Он и еще двое парней. А товарищи из комендатуры пусть позаботятся о сырье... Этот человек работает теперь директором.

Карасев вернулся в Дрезден.

Поездка по Германии продолжалась.

Рассказывая о ней, Владимир Якумович то и дело обращается к записной книжке в темной ледериновой обложке. Такие носят обычно в верхнем наружном кармане рабочей куртки начальники цехов, мастера, технологи. И всегда эти блокнотики замаслены, потрепаны. Весьма помятый вид и у карасевской книжицы. Записи делались торопливо, пока шел по цеху, пока стоял у станка, пока разговаривал с человеком. Какие-то обрывки фраз, отдельные слова, то жирно подчеркнутые, то обведенные кружочком, какие-то наброски, вычисления. Попробуй разберись! Над некоторыми и сам Карасев задумывается, вспоминая, что они означают.

«Материалы не доставляются, носят на себе... Штурмовщина».

— Это, по-моему, на заводе имени Фрица Геккерта. Да, да, в Карл-Маркс-штадте. Народ там жаловался в цехе...

«450—326
0,43—0,86»

— И это там же. Подсчитывали с технологом возможности станка. Я посоветовал немного сбавить обороты, но зато подачу увеличить вдвое. Получался большой выигрыш в силе.

«Кузнец!!»

— Тут надо бы еще и третий восклицательный знак поставить. Разных видал я на своем веку кузнецов — и деревенских и заводских. А такого встретил впервые. Маленький, сухонький старичок. Работает при галстуке, в чистеньком фартуке, на голове синий берет с крошечной красной звездочкой, которую сам он и отковал. Я видел, как он делал рукоятку к станку. Деталь фигурная, со многими переходами, с гранями. Выковал так, что оставалось только отполировать. Молотком в руке играет, будто на пианино... Такой тоже, пожалуй, смог бы блоху подковать. Ему бы еще технику посовременней!.. Часа четыре стоял я в той кузне, любовался. Для меня красивую работу посмотреть — все равно, что в театре побывать!

Нити дружбы, завязанной Карасевым в Германии, не рвутся.

Вот письмо с завода имени Фрица Геккерта. Пишет Георг Марш, нормировщик. «По вашему совету, дорогой товарищ, сменены моторы на многих станках, и токари получили возможность работать на высокой скорости».

Вот посылка из Берлина — альбом с репродукциями картин европейских художников. Дюрер, Кранах, Рембрандт, Гольбейн, Гойя... В посылку вложено письмо. «В «Нейес Дейчланд» мы прочитали вашу заметку, перепечатанную из «Правды». Вы рассказываете о вашей новой квартире, об ее удобном устройстве. Вы пишете о приобретенных вами картинах, о вашей любви к живописи... Примите же этот скромный дар, как знак нашего уважения к вам. Быть может, среди этих репродукций вы найдете и такие, которыми вам захочется украсить стены вашей новой квартиры...»

А минувшей зимой в Ленинград приезжал Хорст Хумк, токарь из Лейпцига, с «Кировверке».

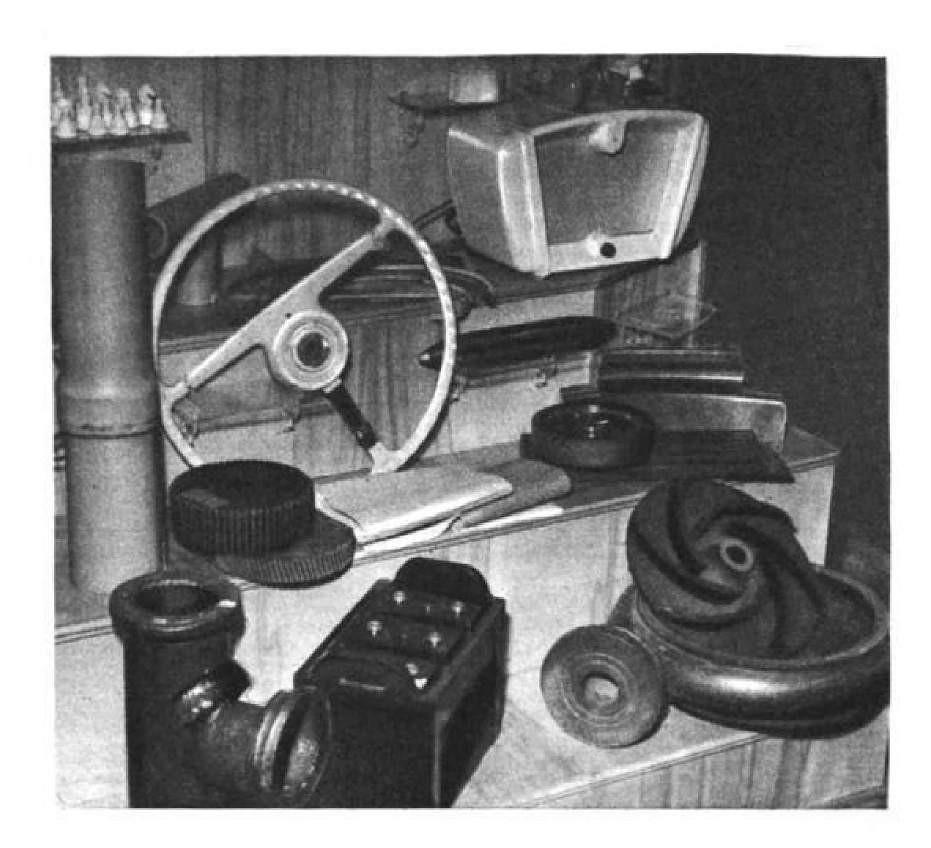
Они встретились в гостинице, где остановилась немецкая рабочая делегация. Карасев принес в подарок Хорсту свой новый, только что испытанный резец. А у Хумка уже подготовлен ответный подарок. И тоже резец, им, Хумком, сконструированный,— любопытный инструмент, предназначенный одновременно и для скоростного и для силового резания металла. Было в нем много своего, оригинального...

Пришла посылка из Берлина. Немецкие друзья прислали Владимиру Якумовичу альбом с репродукциями картин.

Фото Г. Чертова.

НЕЗАМЕНИМЫЙ ЗАМЕНИТЕЛЬ

С. ИКОННИКОВА

Казалось, что слово «нельзя», проложившее невидимую границу между нашими желаниями и действительностью, потеряло свою сковывающую силу на пороге этой комнаты. «Нельзя», подсказывает житейский опыт, сохранять воду в бумажном ведре. Однако здесь она находится в нем уже много недель, и ни одна капля не просочилась сквозь бумажные стенки.

«Нельзя», утверждает печальный урок, попасть под проливной дождь в новом костюме, не испортив его нарядного вида. А вот этот костюм остался совершенно сухим и невредимым. Достаточно было его хорошенько встряхнуть, и все капли слетели, словно это не вода, а какие-то твердые блестки.

«Нельзя» даже легко ударить по стеклу, чтобы оно не разбилось; здесь же с размаху на него опускают тяжелый молоток, и на этом необычном стекле не появляется ни одной трещинки.

«Нельзя» сильно нагреть резину, чтобы она не расплавилась и не отравила помещения едким дымом. Однако в лаборатории она часами лежит на раскаленной плите, не издавая никакого запаха.

Что же позволило безнаказанно забыть об исконных свойствах вещей? Пластмасса. Она опрокинула сложившиеся понятия, превратила невозможное в реальное. Она разъединила прозрачность с хрупкостью, прочность с весом. Обработанная ею нитка перестала намокать в воде, сделанное из нее «стекло» — разлетаться на куски при ударе.

— Так ли это? — усомнится иной.— На что еще, кроме пуговиц, коробок, галантереи и разной мелочи, годится этот легкий, блестящий материал? К нему до сих пор относятся с недоверием, не подозревая, что сталкиваются с пластмассой на каждом шагу.

Почему автомобиль перестал быть колесницей грохота и лязга? Сталь заменили пластмассой. Пластмассовый руль, не уступая в надежности металлическому, перестал обжигать руки в мороз. Наконец, пластмассовый кузов на сотни килограммов уменьшит вес машины, и мотору не придется тратить так много бесполезных сил, таская тяжелый металлический дом.

Куда девались «тридцать три одежки» с электрических проводов — нитки, резина, ткань? Многослойную оболочку заменила эластичная рубашка из пластмассы. Пластмассовые подшипники в блюминге справляются с многотонной нагрузкой несравненно лучше металлических и не требуют никакого ухода. Без пластмассы не обойдется дантист и музыкант, оптик и химик.

Чаще невзрачная, чем яркая и блестящая, она сделалась необходимой в современной жизни.

Когда около ста лет назад в мир выпустили вместо традиционного, выточенного из слоновой кости первый отлитый из пластмассы бильярдный шар, никто не заподозрил в нем того кома, которому суждено было породить лавину. С тех пор заменители не ведают поражения в соревновании с природными материалами. Они почти повсюду превосходят и все чаще изгоняют их с «насиженных мест».

Из чего сделаны пластмассы, столь различные по виду и свойствам? Все они на редкость неприхотливы. Казалось бы, чего ожидать от сочетания карболки с формалином, специфический запах которых так напоминает о дезинфекции? Однако именно из этой желтоватой смеси возникает материал, который встретишь потом в телефонной трубке и чернильном приборе, электрическом выключателе и в автомобильной шестерне. А «ткань» для прозрачных накидок, плотная и достаточно крепкая, она, как в сказке, рождается прямо из газа, сладковатый запах которого выдает этилен.

Но при всей кажущейся неприхотливости пластмассы возникают только из совершенно определенных веществ, молекулы которых обладают характерной чертой — общительностью. Стоит, например, такое вещество, как этилен, нагреть под давлением, как его снующие и разобщенные молекулы, химически соединяясь друг с другом, вырастают в длинные цепи, составленные из сотни раз повторяющихся однородных звеньев. Как только такие цепи достигают определенной длины, мгновенно исчезает газ и появляется пластмасса.

Молекулы пластмассы подобны великанам среди молекул других веществ. На участке, где спокойно размещаются двадцать миллионов молекул воды, с трудом находят место всего несколько тысяч молекул пластмассы. Говорят, великаны великодушны. Пластмассы полностью это оправдывают. У них на редкость покладистый характер, они покорны, могут принять любую форму.

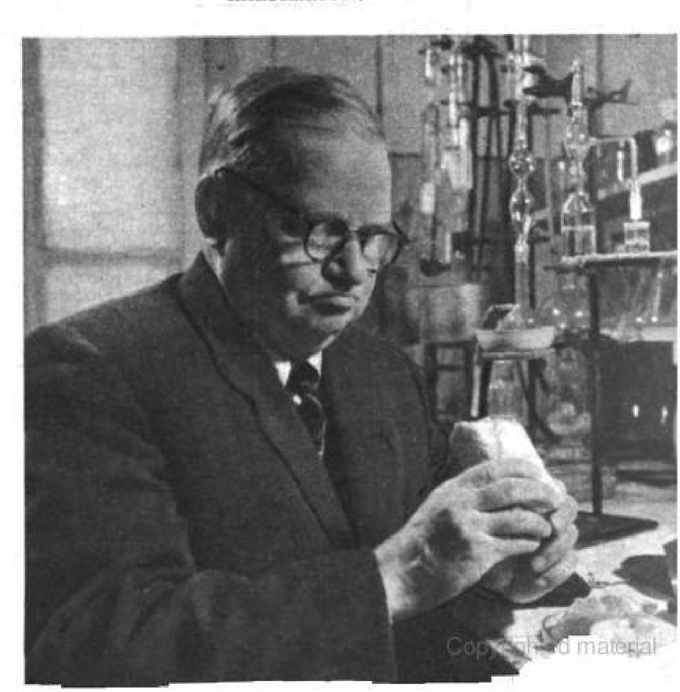
...Проворно снуют умелые руки работниц, безошибочно загружая в каждое гнездо сияющей прессформы необходимое количество таблеток, заранее приготовленных из разноцветных порошков. Это своеобразный пластмассовый полуфабрикат. Как тесто не станет пирогом, пока его не испечешь, так таблетки не превратятся в пластмассу, пока их не нагреешь под высоким давлением. Нажим кнопки, и медленно опускается пуансон — несколько массивных пальцев с нанизанными на них сияющими металлическими наперстками. Вот они вошли в гнезда, каждый палец точно лег в предназначенное ему углубление, минутная выдержка — и пальцы так же медленно уходят вверх. Изделия готовы. За этот короткий срок отпечаталась не только затейливая форма, но и молекулы успели окончательно подрасти до той величины, когда материал становится твердым, прочным и блестящим. Теперь к изделиям необходимо лишь на мгновение прикоснуться шлифовальным кругом, чтобы зачистить заусеницы, осмотреть, нет ли изъянов, и товар можно упаковывать в ящики...

К различным деталям из пластмасс в технике порой предъявляются совершенно неожиданные требования. Так было, например, при непрерывном производстве вискозного волокна. При рождении такое волокно, непрестанно омываясь горячими растворами кислот и щелочей, перематывается с одного большого ролика на другой. Малейшая заусеница на его поверхности лохматит волокно, портит, рвет. Горячие же кислоты с жадностью разъедают ролики, выточенные из дорогой легированной стали. Металлу срочно нужна была замена.

Вспомнили о пластмассе. Более стойкая к действию растворов, чем металлы, она вдруг огорчила исследователей новым недугом: набухая в воде, пластмассовые ролики меняли свои размеры и трескались. Пришлось искать новую разновидность пластмассы. Поиски надежного материала возглавили лауреаты Сталинской премии научный руководитель Института пластмасс, старейший создатель искусственных материалов профессор Г. С. Петров и кандидат технических наук Л. В. Певзнер. Новое вещество, найденное ими, фенолит, не только не боялось щелочи, кислот, воды, но переносило и высокие температуры. С помощью фенолита на каждой машине непрерывного получения вискозного волокна можно сэкономить до пятнадцати тонн легированной стали. Несравненно возрастает и качество волокна.

Медицинские грелки и пузыри для льда будто только и ждали появления этого нового материала. Их крышки и пробки, сделанные из фенолита, перестали капризничать и завинчиваются теперь безотказно. Фенолит не набухает в воде, даже если заставить его очень долго мокнуть. Ему не страшны и такие ядовитые пары, как пары ртути. Неощутимые, без запаха, они способны прилепиться даже к гладкой поверхности изразцов и метлахских плиток. А вот пластины, изготовленные из отходов фенолита, не дают пристанища и ничтожному количеству этих паров. Достаточно хорошо проветрить помещение, стены и пол которого выложены яркими плитками фенолита,

Лауреат Сталинской премии профессор Г. С. Петров рассматривает новый сорт пластмассы.

Какой ребенок не протянет к ним рук!

чтобы воздух там стал совершенно чист. Эти пластины обладают еще одним достоинством: облицованные ими стены и пол сохраняют тепло не хуже, чем покрытые деревом.

И все-таки у всех изделий из пластмассы до последнего времени было уязвимое место, столь досадное при их совершенстве: все они недостаточно жаростойки. А иные боятся еще и холода. Однако и эта слабость преодолевается.

Члену-корреспонденту Академии наук СССР К. А. Андрианову удалось заставить кварц быть гибким, как резина, и такой «резине» нипочем оказалось «пекло» в двести с лишним градусов и мороз в семьдесят ниже нуля. Подобная температурная неприхотливость весьма заманчива для электроизоляции, при изготовлении различных шлангов и прокладок.

Что же смягчило кварц?

Выяснилось, что ковать в длинные цепи можно не только соединения углерода, молекулы которых наделены редкой общительностью. Кремний — основа кварца, горного хрусталя, полевых шпатов, гранитов — тоже обладает особенностью вить длиннейшие молекулы. Однако цепи эти очень жесткие, их не растянешь, не изогнешь, при больших усилиях они могут треснуть, расколоться. Ну, а что если к кремнию присоединить молекулы простого органического вещества, например, газа метана, опасного «духа» угольных шахт? Не придаст ли он, словно мягкий хрящ, подвижность и эластичность всему кремневому скелету? Добились наконец такой комбинации, и результат превзошел ожидания. Кремний привнес в материалы свою хваленую жароупорность, метан придал им некоторые свойства воска.

Но кремнеорганические соединения, как называют этот сорт химических веществ, — не только уникальные резины, они могут быть представлены и жидкостью. Нескольких капель этой жидкости достаточно, чтобы, нагреваясь, не вскипело белой пеной вино, масло, сахар. Но не будут ли эти несколько капель той ложкой дегтя, которая испортит бочку меда? Опасения напрасны. Жидкость не имеет ни запаха, ни вкуса, она совершенно безвредна, а по виду не отличается от простой воды, хотя и слывет ее злейшим врагом. Едва эта жидкость коснется стекла, нити, кирпича, кожи, бумаги — и воде к ним уже доступа нет. Достаточно однажды окропить стены здания этой чудесной жидкостью — и ни ливни, ни метели не принесут им вреда. Да, но каково будет жильцам в таком доме и человеку в ненамокаемых одежде и обуви? Наверно, жарко и душно, как в резиновом скафандре? Ничуть. Доступ закрыт лишь воде. Воздух, как и прежде, легко проникает в поры.

Ученые открыли секрет создания многообразных синтетических материалов, включая в их состав удачно подобранные химические вещества. Теперь уже установлено, что не только соединения, содержащие углерод, могут служить исходным сырьем для пластмасс. В один ряд с ними встали соединения кремния, и возможно, в будущем обнаружатся и другие вещества, способные составлять громадные молекулы.

Век пластмассы, бесспорно, наступил в технике. Не вправе ли мы ожидать его и в быту? Гигиенический, красивый, легкий материал, так быстро и просто принимающий форму любого изделия, разве он не призван занять достойного места в житейском обиходе?

Недавно в Институте пластмасс состоялся просмотр товаров народного потребления из пластмасс, изготовленных самыми различными предприятиями. Яркие и блестящие, они разместились на стеллажах, напоминая разбросанные цветы. Но когда глаз в этой буйной пестроте начинает различать отдельные предметы, то оказывается, что повсюду мелькают коробки, сухарницы, хлебницы, салатницы. Продукция различных заводов мало отличается друг от друга. Очень много пластмассовой посуды. Конечно, приятно иметь в дороге, скажем, портативные тарелки, чашки, стаканчики. Но к чему делать из пластмассы ажурные вазы или огромные салатницы?..

В промышленности совсем не используются возможности пластмассы легко имитировать малахит, янтарь, орех, красное дерево.

Конечно, не все представленное на выставке заслуживает критики. Это было бы неверно. К детям скоро попадут новые забавные, яркие игрушки Охтинского химического комбината. На качающихся полозьях к ним спешат лихие клоуны и на шарах катят неуклюжие медвежата.

Хороши матовые плафоны, вытеснившие стеклянные, материалы для плащей и скатертей, которые надолго сохраняют эластичность, не делаясь быстро ломкими и жесткими. Великолепны тонкие, прозрачные пластмассовые пленки, приготовленные по новым рецептам. Мешки из них — надежное убежище от бактерий, сырости и воды для всех продуктов. Надолго сохраняют в них свежесть скоропортящиеся колбасы и масло. А мука в таком мешке, если он даже месяц находился в воде, ничуть не снизит сортности. Однако во всем этом больше замечаешь заслуги ученых, чем успехи художников и конструкторов. А ведь и они, бесспорно, тоже могли бы кое-чем порадовать потребителя. Возьмем для примера модельную мастерскую Карачаровского завода. Несмотря на скудный ассортимент заводской продукции, до недавнего времени там была целая серия изделий-затворниц: годами пылились они в шкафу. Одних забраковал Художественный совет, другие сложны в производстве, третьи... Да мало ли сыщется аргументов, если хочется оправдывать беспомощность!

А между тем если бы, скажем, в продажу поступили изящные туалетные приборы, состоящие из зеркала в оправе, пудреницы, небольшой коробочки да дополненные еще в тон расческой и щеткой для волос, то наверняка все это встретило бы самый восторженный прием у покупателей. Но, оказывается, выпускать комплекты даже из трех изделий уже очень хлопотливо: не выдерживается стандартная окраска пресс-порошков.

Совок и щеточка для стола, набор легких банок для круп, сахара, муки — разве не нуждается в них каждая хозяйка?

Есть и другие, значительно более широкие области применения, где пластмасса не ведает конкурентов. Наверное, нет человека, не посетовавшего на перекосившуюся оконную раму. Изготовленная из пластмассы, она избавилась бы от многих недостатков. Если искусственной смолой пропитать обыкновенный картон, получается великолепная нарядная чистая панель для облицовки стен. Если же на картон предварительно нанести рисунок, заимствованный у лучших сортов древесины, то получится материал, пригодный для изготовления первоклассной мебели. Пористый белоснежный материал мипора (он в десять раз легче пробки), прекрасно поглощающий звук и сохраняющий тепло, — великолепный наполнитель для перегородок и перекрытий. Стекла из прозрачной пластмассы заманчивы не только своей поразительной прочностью. Они почти беспрепятственно пропускают ультрафиолетовые лучи и поэтому столь желательны для застекления окон детских садов, больниц, оранжерей и теплиц.

Искусственным материалам, столь блестяще зарекомендовавшим себя в технике, бесспорно, предстоит не менее удачное применение и в быту. Сейчас даже невозможно представить все разнообразие синтетических материалов, оценить все возможности, которыми они щедро одарят человечество в будущем, вознаграждая труд и выдумку ученых.

Венгерские мастера живописи

Быстро растет и развивается искусство новой, демократической Венгрии. Этот рост сопровождается и переоценкой национального художественного наследия: произведения художников-реалистов, значение которых снижалось или искажалось буржуазным искусствоведением, получают ныне всенародное признание, становятся достоянием широчайших масс трудящихся. Так, например, на выставке картин Михая Мункачи побывало 350 тысяч зрителей.

Воспроизводимые на вкладках журнала картины относятся к разным периодам развития венгерского искусства.

Адам Маньоки (1673—1757) был одним из первых венгерских художников-портретистов. Он запечатлел облик прославленного патриота Ференца Ракоци, возглавившего восстание 1703 года. Главной силой этого восстания были революционные крестьяне — куруцы.

Великий венгерский поэт Ш. Петефи, почти через полтораста лет, посвятил в 1848 году Ракоци пламенные стихи:

> Друг свободы! Ты горел,
> мы знаем,
> Как звезда в угрюмых
> облаках,
> И когда тебя мы
> вспоминаем,
> В сердце пламень, слезы
> на глазах...

Реакции удалось подавить новое восстание, начавшееся в 1848 году и превратившееся в героическую национально-освободительную войну. В годы реакции лучшие художники Венгрии стремились в своих произведениях запечатлеть высокие патриотические подвиги народа.

Шандор Вагнер (1838—1919), живописец-историк, в своей картине изображает народного героя XV века Титуса Дуговича. В 1456 году, при обороне крепости Шандорфехрван от турок, сжав в смертельной схватке врага, Дугович вместе с ним бросился вниз с башни, и этот его подвиг решил успех обороны.

Кроме исторических полотен, Вагнер писал также много жанровых картин, посвященных быту пастухов и коневодов.

Михай Мункачи (1844—1900) — гениальный венгерский художник последней четверти XIX века. В. В. Стасов справедливо причислял его к числу «оригинальнейших и талантливейших в Европе». Он называл Мункачи «одним из самых решительных и неукротимых реалистов».

К лучшим созданиям Мункачи относятся «Дом плача», или «Последний день осужденного» (1870) — картина, изображающая камеру смертника, и «Ночные бродяги» (1873). Отверженных и осужденных буржуазией Мункачи изображает как сильных и мужественных людей, восстающих против гнета и эксплуатации. Сложные тематические полотна Мункачи, равно как и его небольшие картины с мирными бытовыми сценками (подобные печатаемой на вкладках), проникнуты глубоким сочувствием к обездоленным, верой в силу и благородство простого человека.

А. ТИХОМИРОВ

Адам Маньоки (1673—1757). ФЕРЕНЦ РАКОЦИ. 1709 год.

Шандор Вагнер (1838—1919). ТИТУС ДУГОВИЧ. 1859 год.

Михай Мункачи (1844—1900). ЖЕНЩИНА, СБИВАЮЩАЯ МАСЛО. 1873 год.

Михай Мункачи (1844—1900). НАТЮРМОРТ. 1881 год.

КРЕСЛО ПРЕФЕКТА

ИЗ РОМАНА «ПАРИЖ С НАМИ»

Андрэ СТИЛЬ

Рисунки О. Верейского.

«Париж с нами» — последняя книга трилогии французского прогрессивного писателя Андрэ Стиля «Первый удар».

Во французский порт, где докеры ведут упорную борьбу против разгрузки военных материалов, прибывает американский пароход с горючим. Докеры и все население порта устраивают мощную демонстрацию с целью не допустить разгрузки парохода. Место сбора демонстрации назначено на площади биржи труда, но полиция оцепила площадь. Тогда большая часть демонстрантов, оставив у биржи лишь небольшой заслон, устремляется к зданию префектуры и к порту.

...Только в сотне шагов от префектуры на демонстрантов налетели неизвестно откуда взявшиеся охранники. Кто им дал знать,— непонятно. Но их мало, на одном всего грузовике. К тому же они, кажется, и не собираются разгонять колонну, а только пытаются остановить ее движение.

Охранники засели за своим фургоном на углу одного из переулков и швыряют из-за прикрытия бомбы со слезоточивым газом. Время от времени они делают вылазки в толпу, награждая людей ударами прикладов. В общем они напоминают моську, лающую на слона. Демонстранты шагают бодро, хотя ветер уже перестал подгонять в спину, но улица здесь резко спускается вниз, да и префектура и порт притягивают, как магнит.

Командир полицейской роты, оцепившей биржу труда, до сих пор остается в полном неведении насчет происходящего. Ничего удивительного. Он так был уверен, что игра выиграна, так гордился своим планом! Еще сегодня утром, читая в «Демократе» (единственная газета, выходящая в городе и по воскресеньям), что позорный провал коммунистов неизбежен, он искренне воскликнул: «А как же может быть иначе!» Заметив, как на всех трех уличках, ведущих к бирже труда, сопротивление толпы слабеет под натиском его людей, он решил, что демонстрация разгромлена или, во всяком случае, находится на волосок от этого. Он герой дня! К тому же из порта и из района госпиталя доносили: никаких происшествий, демонстрантов не видно. А как бы думали вы на его месте?

Только один патруль на грузовике, услышав пение демонстрантов, попробовал их атаковать, чтобы выиграть время. Но на грузовике не было передатчика, чтобы доложить начальству о появлении демонстрации в другом месте.

Колонна подошла к префектуре. Дежуривший здесь взвод охранников, конечно, не в силах был остановить напор такой большой массы. Вот они уже отступают к воротам и там выстраиваются в три шеренги. В хвосте колонны все тот же грузовик продолжает свои бесплодные попытки вовлечь демонстрантов в стычки.

Но что, собственно, делать демонстрантам у префектуры? Не лучше ли без промедления двинуться прямо к порту? Ведь, правду сказать, префект не более, как марионетка, нитки же дергают американцы, стараясь при этом оставаться в тени. И что с ним делать, с префектом? Послать к нему делегацию? Еще одну делегацию?.. А дальше? Стоит ли овчинка выделки? Такая многолюдная демонстрация может добиться большего. И все-таки соблазн велик! Префектура — под самым носом, в нее ничего не стоит пройти. Таким случаем нельзя не воспользоваться. И кто знает, вдруг чтонибудь да получится!

В первом ряду стоят Анри, Робер, Жорж, остальные вожаки. Они направляются к воротам. Стоящие тут охранники не решаются вступать в драку. Рабочие, чувствуя за спиной поддержку толпы, напирают сильнее, хватаются за дула винтовок, чтобы те не могли пустить их в ход. Первая шеренга охраны охотно отступает. Вторая и третья вяло пробуют остановить своих, но тут же сами отходят назад.

Генеральный секретарь префектуры Шолле испуган: демонстранты могут разнести все здание! Он вызывает по телефону командира полиции, распоряжающегося там, у биржи труда. Как и следовало ожидать, демонстранты у префектуры! Шолле решается наконец выйти к толпе.

— Господа! Господин Жорж! Господин Леруа! Зачем же силой? Успокойтесь! — говорит Шолле, появляясь во дворике префектуры. Генеральный секретарь, как всегда, изысканно-изящно одет. Он приказывает охранникам: — Пропустите этих господ!

Что ж, и то хлеб! Анри, Робер и Жорж проходят в ворота.

— Макс, давай с нами! — зовет Анри.

— Попросите ваших людей вести себя пристойно, не напирать, — умоляет Шолле.

— А вы попробуйте сами с ними поговорить, — предлагает Анри.

— Это нехорошо с вашей стороны, — скулит Шолле.— Ну вы хоть, господин Жорж, господа...

— Вы думаете, это в наших силах? — насмешливо возражает Робер.

— Но это ужасно... Тогда ничего не поделаешь... А что вам, собственно, нужно?

— Как вы сами понимаете, мы желаем видеть префекта.

— Я его заменяю. Его сейчас нет.

— Это мы увидим, — говорит Робер.

Анри уже заносит ногу на первую ступеньку лестницы. Шолле уже понял, что бессилен помешать «вторжению коммунистов». Он безнадежно машет рукой:

— Ну что ж, входите.

— Да, но... у нас не полная делегация, — замечает Робер.

Действительно, нет представителя молодежи, нет никого от женщин, от беспартийных. Как хорошо, что Жорж среди них, он в самый раз вернулся из Парижа!

— Минуточку, — говорит Анри.

Он проходит сквозь кордон охранников, которые безропотно расступаются перед ним, и на улице отбирает среди демонстрантов недостающих представителей.

...На второй этаж префектуры ведет винтовая лестница. Она покрыта новенькой ковровой дорожкой с начищенными до блеска медными прутьями. Никому из делегации не пришло в голову вытереть ноги в прихожей. Теперь оставалось только отнестись к этому юмористически: придется снова натереть пол, и хоть какие-то деньги пойдут на оплату полотера, а не на войну... Конечно, рабочие башмаки не сравнить с изящными туфлями Шолле. Он шел впереди, чуть ли не на цыпочках, и вся его фигура, выражавшая наигранную предупредительность, имела довольно глупый вид. Неужели он думает, что и делегаты последуют его примеру? Дудки!.. Макс, передразнивая Шолле, выделывал, несмотря на свой стокилограммовый вес, уморительные па. От топота подбитых гвоздями башмаков, казалось, вот-вот разлетятся в осколки все эти дорогие хрупкие безделушки. Туда им и дорога!

Все посмеивались над проделками Макса, но в общем было не до смеха. Даже среди спо-

койствия, царящего в префектуре, мысли делегатов оставались с толпой, на улице. Сквозь стены доносился неясный, приглушенный гул, прорывались отдельные возгласы — так в тихую погоду пронзительные крики чаек внезапно вторгаются в равномерное гудение плывущего по тихому морю парохода. Отсюда демонстрация стала казаться гораздо менее мощной, и все с неохотой удалялись от нее.

Отрезанную от толпы делегацию могли арестовать, хотя на это мало похоже. Делегаты, конечно, полезли прямо в логово к волку, но пусть он только попробует открыть пасть! Главное не в этом.

Плохо то, что на улице может произойти всякое, пока руководители демонстрации будут в префектуре. Так размышлял Анри. Правда, с демонстрантами остался Дэдэ. Анри, конечно, не думает, что Дэдэ растеряется и в случае необходимости не примет правильного решения. Нет, Анри этого не думает. И все же он предпочел бы быть рядом с Дэдэ и самому за всем следить...

Борьба, которую они ведут сейчас, — кровное дело Анри. Он руководит ею с самого начала, ему знакомы каждый сучок, каждая шероховатость. Анри погружен в нее гораздо больше, чем Дэдэ. Он знает, как все это готовилось и скольких усилий стоило. Он много толковал с докерами, железнодорожниками, металлистами, беседовал с женщинами, молодежью. По совершенно незаметным для постороннего взгляда признакам Анри может определить душевное состояние народа, поднявшегося на борьбу, — так моряки чувствуют предстоящую перемену погоды... Ветер должен подняться с севера... А вон там скоро хлынет дождь... Хотя нет: птицы не летят к берегу... Это означает, что... У Анри все происходит так же подсознательно, как у моряка, и так же безошибочно.

Да и сам Дэдэ это чувствует, недаром он, как вчера Поль, отдал, по сути дела, бразды правления в руки Анри. Анри принимал решения и руководил демонстрацией, совершенно не думая о том, что некто вышестоящий находится рядом с ним. У Анри не было никакого чувства неловкости или скованности: он чувствовал себя на месте. Конечно, он ничего не предпринимал, не посоветовавшись с товарищами, окружавшими его, но все ответы, которые он получал от них, совпадали с его мнением, и это еще больше укрепляло его уверенность в себе. Анри слушались, к его словам относились с особым вниманием. Дэдэ, находившийся все время рядом, первый поддерживал предложения Анри. «Правильно!» — говорил он без обиняков и одобрительно подмигивал... Нечего и говорить, что уважение товарищей к Анри не вызывало у Дэдэ ни малейшей зависти. Он верил в Анри и поэтому ободрял его. Впрочем он меньше всего думал об Анри и о себе. Он просто соглашался с правильными решениями. Вышло как-то так, что именно Анри вносил больше предложений, и они были самыми дельными. И Дэдэ радовался этому, как и все остальные товарищи. Он был благодарен Анри...

«Там, на улице, — думал Анри, — долго так продолжаться не может: с минуты на минуту нагрянет полиция. Проклятые!» Анри даже не успел разглядеть того, который схватил Полетту. И никогда, может быть, его не увидит. Хотя какое это имеет значение: они ведь все на одно лицо. Оно и понятно: там, где у людей глаза, — у них каска, а вместо подбородка — ремешок от каски.

Где-то сейчас Полетта? В тюрьме, в женском отделении?.. А может быть, их посадили всех вместе.

— Ладно. Так чего же мы точно будем требовать от префекта? — тихо спросил Анри у товарищей. Они все еще поднимались по лестнице.

— Сперва мы выложим ему, что мы думаем насчет парохода.

— Понятно.

— Но у него надо вырвать и что-то более существенное.

— Повышение зарплаты, — предложил Робер. — Префект, конечно, заявит, что он тут ни при чем. Но хоть разговор будет впустую — все равно!

— Ничего не пропадает впустую, — возразил Макс, шедший за Робером, — все пригодится в свое время.

Макс перепрыгнул через две ступеньки и нагнал Анри с Робером.

— Кстати, — продолжал он, — обязательно надо потребовать возвращения докерских карточек тем, у кого их отобрали...

— Правильно! — одобрил Анри.— И вот еще насчет...

Макс сразу угадал, что имеет в виду Анри, и хотел его опередить — у него-то никто из близких не пострадал, — и вот они докончили в один голос:

— ...арестованных.

— Все это чепуха, — прервал Люсьен раздраженным голосом, вызывая всеобщее недоумение.

— Какая тебя муха укусила? — изумился Макс.

— Арестованных все равно выпустят, не сегодня, так завтра. А остальное — полная бессмыслица. Зарплата, пароход, докерские карточки — он может нам пообещать с три короба, и все останется на словах...

— Ну, а ты что предлагаешь? — спросил Анри.

— Почем я знаю? — пробурчал Люсьен.

— Вот это номер! — возмутился Анри, всем своим видом показывая, что он недоволен Люсьеном.

Все его поддержали. Анри внимательно посмотрел Люсьену в лицо. Парень растерялся, но не собирается сдаваться. Какие у него могут быть мысли? Может, он обдумывает, как их высказать? Надо будет с ним поговорить, но это потом, сейчас некогда.

Они добрались до второго этажа и пошли по широкому коридору вслед за Шолле. Пол здесь натерт еще лучше, чем на лестнице, и нет даже дорожки.

Но Люсьен не хочет оставить последнее слово за Анри и, нагнав его, злобно говорит:

— Какого лешего мы сюда пришли? Лучше бы идти прямо в порт и не тратить здесь времени.

Сейчас не до объяснений. Придется их отложить...

— Раз мы уже в префектуре — ничего не попишешь, — ответил Анри, чтобы покончить с этим разговором, даже не пытаясь переубедить Люсьена. Он только пожал плечами, подчеркивая несуразность выходки Люсьена.— Да ты не расстраивайся: насколько я понимаю, мы здесь ненадолго, — нашел он все же нужным добавить, обращаясь к Люсьену и положив ему руку на плечо.

Анри не хуже Люсьена понимал, что их делегация едва ли добьется чего-либо реального. Ни в какие обсуждения они не будут пускаться. Выдвинут жесткие требования — и все. Одним своим приходом в префектуру они наносят удар противнику... Хотя... Бывали случаи, когда кое-чего удавалось добиться. Все зависит от того, как идут дела там, на улице. Но чем бы ни кончился их поход, они все-таки одержали победу! Против демонстрации были брошены крупные силы, а рабочие все же дошли до префектуры и заставили принять своих представителей... Сейчас они выскажут префекту в лицо свои требования — без всяких фокусов, без розовых ленточек и папиросной бумаги: они не просят, а требуют! В случае надобности можно и стукнуть кулаком по столу... Дэдэ наверняка такого же мнения — раз он хотел, чтобы в префектуру пошел Анри... Нечего изощряться в красноречии. Коротко и решительно. Ну, каков ваш ответ? Да или нет? Имейте в виду, вы отвечаете за свои слова. Дэдэ может быть спокоен: Анри возьмет быка за рога.

— А вы, доктор, согласны со всем этим?

Анри только теперь вспомнил, что с ним вместе идет врач Деган. Тот одобрительно кивнул головой.

— Предложений у вас нет?

В ответ доктор все так же молча поджал губы: нет, он ничего не может добавить. И все же Деган выжал на лице подобие улыбки — его молчание не должно быть воспринято как дурное настроение. Но в общем сейчас не до него, проглотил язык — ну и пусть. Улаживать придется все потом, если вообще надо будет что-то улаживать...

Шолле открыл дверь в свою комнату — нечто вроде прихожей в кабинете префекта. Отступая назад, он пропустил делегацию.

— Прошу вас...

Секретарь стоял лицом к свету, и было заметно, как он изменился: лицо его было бледно.

У самых дверей Робер протиснулся к Анри и прошептал ему:

— Надо еще потребовать, чтобы охранники очистили биржу...

«Ну что ж, можно, раз он просит».

В кабинете Шолле гул демонстрации гораздо слышнее, чем на лестнице. Очень хочется взглянуть на толпу. Делегаты бросились к окнам, раздвинули роскошные занавеси. Отсюда демонстрация выглядит очень внушительно — народом заполнена вся площадь. Тесная, сплоченная масса, у людей решительные, возбужденные лица. Яблоку негде упасть. Если даже и появится полиция, им нелегко будет вклиниться. Густая толпа, окруженная со всех сторон домами, была похожа на бетон, вылитый в форму. Да, выбить нас отсюда нелегко!..

В коридоре, перед комнатой Шолле, стояло двое охранников. Они вошли вслед за делегатами и, увидев, что непрошенные гости бесцеремонно обращаются с занавесями, вопросительно взглянули на генерального секретаря. Но тот украдкой отрицательно покачал головой. Пусть, мол, хозяйничают. Поймав на себе взгляд Анри, Шолле покраснел, как будто его застали на месте преступления. Совершенно ясно, что, будь воля Шолле, он бы держал себя совсем по-другому.

Но он, кажется, усаживается за стол?

— Мы хотим видеть господина префекта, — довольно резко заявил Анри. — «Зачем я ляпнул «господина»? — тут же упрекнул он себя.— Надо было просто сказать: «префекта».

— Господина префекта нет, — ответил Шолле.

Нахмурившись, Анри посмотрел секретарю прямо в глаза и насмешливо улыбнулся. Сказать ему в лицо, что он врет? Ладно, не стоит! Все и так понимают.. Да и не все ли равно, с кем разговаривать?

— Так вот! Мы пришли, чтобы заявить... — начал Анри, но в это время за его спиной скрипнула дверь в кабинет префекта, и, прежде чем он успел обернуться, Люсьен радостно объявил:

— Он тут! Я так и знал!

— Как? — воскликнул с плохо разыгранным изумлением Шолле и вскочил из-за стола.

Стоящий за дверью жандарм тянет ее к себе, но он не знает Люсьена! Тот, довольный собой, хохочет вовсю и крепко держит дверную ручку.

— Не может быть! Господин префект у себя? — упорно продолжает паясничать Шолле.

— Вот именно, господин префект у себя... — в тон ему отвечает Анри и, опережая генерального секретаря, подходит к двери и вместе с Люсьеном открывает ее настежь.

— Что случилось?

Префект тоже решил прикинуться дурачком, хотя он великолепно знал, что происходит. Он и пришел-то к себе в кабинет, чтобы в случае необходимости вмешаться.

Оказывается, за открытой двустворчатой дверью в комнатке секретарши префекта несколько жандармов. Префект вызвал их для личной охраны. Вначале он сидел у себя дома и прикидывал: если меня не будет в префектуре, бунтовщики могут занять ее. Представляю себе, как на это посмотрят наверху! Тут же скажут: не справился, вот и все... Хотел бы я видеть, как повело бы себя начальство на моем месте... Раз делегация — лучше ее принять. Это ни к чему не обязывает, все меньше битых горшков. А вдруг они удовлетворятся переговорами с Шолле? Посижу в сторонке, у себя в кабинете, и погляжу, как все обернется...

— Вы не беспокойтесь, господин префект,— говорит Анри и спокойно входит в кабинет.— Мы просто решили нанести вам небольшой визит. А вот этот господин уверял, что вас нет.

— Как? Вы были у себя? — спрашивает Шолле все тем же тоном, делая последнюю попытку спасти свое достоинство.

Префект еле заметно пожимает плечами. Он даже не прочь, чтобы посетители заметили его жест: это расположит их к нему за счет Шолле.

Один из охраны хотел было преградить путь Анри, но Люсьен остановил охранника, даже не дотрагиваясь до него, а просто вытянув вперед свою могучую ладонь.

— Оставьте! Дайте всем войти! — сказал префект охране.— Господа! Вы же знаете, не такой уж я нетерпимый. Со мной всегда можно сговориться, если дело идет об осуще-

ствимых вещах. Поймите, за все беспорядки приходится отвечать мне. Будьте благоразумны, прошу вас...

«Ох и пройдоха! — подумал Анри. — Но все эти штучки мне знакомы».

— Беспорядки вызваны не нами, — отвечает он, — и похоже, что они будут продолжаться до тех пор, пока американцы не откажутся от намерения расположиться в нашей стране, как у себя дома. И это — только начало. Ну, а пока что...

Анри излагает требования. Префект садится за стол и, подчеркивая свою невозмутимость, начинает вертеть в руках автоматический портсигар. Тот все время щелкает с треском, и префект каждый раз вздрагивает. Наконец он решает отложить игрушку и скрещивает пальцы.

Шолле наблюдал за происходящим на улице как раз из того окна, в которое ночью был брошен камень, — одно стекло временно заменено куском картона. В кабинет префекта еще явственнее доносился шум толпы. Префект вопросительно взглянул на Шолле, и тот в ответ еле заметно отрицательно покачал головой. Оба, повидимому, чего-то ждали.

— ...Вот так! — кончает Анри, продолжая стоять, и кладет ладонь на отполированный до зеркального блеска стол префекта.

— Насчет заработной платы, вы сами великолепно знаете... — начал префект, и пошла сказка про белого бычка. Ну, разумеется, от этого вопроса ему легче всего отвертеться. Повышение заработной платы от него и в самом деле не зависит, он ничем не может помочь. — Единственное, пожалуй, — тянет префект, но... слова ему ничего не стоят.

Вначале префект подчеркнуто обращался только к Жоржу и Дегану как к единственным здесь стоящим людям, занимающим официальное положение, но в конце концов ему пришлось смириться с тем, что переговоры ведет Анри. Префект подходит к Роберу и Анри и обращается к ним, словно к близким знакомым. Его никто не прерывает, и он говорит со все большей непринужденностью, вставляя время от времени нарочито грубые словечки — это считается хорошим тоном среди буржуа, которые изображают себя людьми с «простыми взглядами».

— Да и в конце концов, черт побери, вы что думаете, ребята, я вас не понимаю? Я сам был таким же, как вы. Вначале-то я был социалистом...

— И до сих пор им остались, — холодно заметил Анри.

— Ну, теперь-то это не то, что было раньше, вы же сами знаете, — сманеврировал, несколько осекшись, префект и многозначительно улыбнулся Анри. — ...Тогда другое было дело. И вообще мне начихать, старина, именно начихать, но раз уж вы заговорили об этом, так я вам кое-что покажу. — Он достает бумажник, вынимает из него профсоюзный билет и шепотом говорит: — Я до сих пор еще в ВКТ. Ну, что, съели?

— Так-то это так, — невозмутимо отвечает Анри, — но билет-то старый, сорок восьмого года, двухлетней давности.

— Хорошо еще, что мы не пришли завтра, ему бы уже исполнилось три года, — замечает Робер.

— Да, но вы видите, я его храню, — не сдавался префект. — Ну, а у вас-то, господин Деган, — обратился он к доктору, — пари держу, никогда и не было такого билета, а?

— Во всяком случае, — обрывает Анри, приходя на помощь Дегану, — ваш билет не помешал отобрать у забастовщиков докерские карточки и тем лишить наших детей молока...

— Не говорите, господин Леруа, не говорите! — протестует префект, театральным жестом прижимая руку к сердцу. — Вы же многого не знаете. Я не имею права раскрыть вам всю подноготную, но, может быть, придет время, когда вы все узнаете. И тогда вы поймете...

Что можно было на это ответить? Было ясно, что префект старается выиграть время. Делегаты уже давно покинули демонстрацию, и там, наверное, людей уже охватывает нетерпение.

И словно в доказательство того, что демонстрантам действительно надоело ждать, кто-то ударом кулака выбивает кусок картона, вставленный в окно, и в образовавшейся дыре появляется несколько смущенная физиономия Бувара. Как он добрался до второго этажа — непонятно. Анри и Робер ошеломлены не меньше префекта...

— Разрешите войти? — спрашивает Бувар, нащупывая рукой задвижку окна.

Макс распахивает окно, и Бувар прыгает в комнату, а с ним в кабинет врывается струя холодного воздуха. Немедленно в окне показывается еще одна голова. Ясно, что они раздобыли приставную лестницу. Вторым влезает Сегаль. За ним виднеется еще кто-то. Анри высовывается на улицу. По лестнице взбираются еще три человека. Двое нижних из боязни, что им наступят на пальцы, держатся за продольные брусья лестницы и головой подталкивают передних, торопя их. Доносится смех, веселые шутки.

Префект в панике: еще минута — и свершится именно то, чего он так опасался. Демонстранты захватят кабинет, а там, глядишь, и все здание префектуры. Ему уже мерещится топот ног по парадной лестнице. Он мечется, то норовя спрятаться за стол, то делая движение к окну, и бормочет умоляюще:

— Господин Леруа, господа, прошу вас, скажите, чтобы они остановились. Мы и без этого можем договориться. К чему же такие?.. Все, что вы просили...

Робер уже готов задержать тех, кто лезет по лестнице, ему даже хочется крикнуть толпе: «Ребята, победа!..»

— Ты спятил, — тихо останавливает его Макс. — Пусть лезут...

— Короче говоря, — заявляет Анри, — мы немедленно уйдем, как только вы удовлетворите все наши требования.

Сегаль прыгает с подоконника на ковер.

Достаточно посмотреть на префекта, чтобы понять: он готов на все уступки, только бы предотвратить катастрофу.

Но в этот момент с дальнего конца площади, куда выходит одна из улиц, доносятся какие-то непонятные крики. Все, включая и стоящих на лестнице, поворачивают туда головы. Прибыли полицейские. Слышны взрывы нескольких слезоточивых бомб.

Префект и Шолле немедленно принимают независимый вид. Охранники тоже начинают держать себя более развязно. Старший, подмигнув, приглашает их незаметно подойти поближе к нему.

Но Анри, Робер, Жорж и Макс оценили положение: полицейских немного, опять только один грузовик. Даже вместе с прежним отрядом, который продолжает, как собака, кусать демонстрантов за пятки, они не смогут ничего изменить. Сейчас ребята отобьют натиск, полицейские снова ринутся, и их снова отбросят, вот и все... Конечно, лучше бы они не появлялись, но если этим все ограничится и не прибудет новое подкрепление — трагедии пока нет.

Ничего в общем не изменилось, и это настолько ясно, что и префект и Шолле это тоже понимают. Вот почему префект усаживается за стол и берет перо. Ему приходит в голову, что самое легкое для него — это снять полицейских у биржи труда. В этом есть даже свои преимущества: демонстранты охотно вернутся туда и останутся с носом, да, с носом! А освободившаяся рота сможет придти сюда, к префектуре.

Префект изображает на лице примирительную, отеческую улыбку.

— Ладно! По рукам! — говорит он, обращаясь к Анри. — Мы вам возвращаем вашу биржу. Но вы нехорошо поступили со мной, — журит он делегатов. — Зачем же прибегать к таким крутым мерам?!

— Не посылайте никакой бумажки, а звоните, — приказывает Анри. — Так будет вернее. Номер двести шесть. Да вы и сами знаете не хуже меня.

Анри недоволен. Биржа — это совсем не то. Лучше бы даже и не требовать этого. Но теперь трудно идти на попятный. Зря только потеряли время...

— Хорошо. Я позвоню, но из соседней комнаты, — заявляет префект и, перегнувшись через стол к Анри, шепотом, чтобы его никто не слышал, добавляет: — Сами понимаете, мне неудобно при всех...

— Ладно! — соглашается Анри. — Люсьен, иди с нами...

Они проходят в комнату секретарши. Здесь висит допотопный телефон с ручкой, которую надо вертеть не меньше десяти раз, чтобы добиться соединения. А тут еще телефонистка не отвечает. «Наверняка тоже забастовала», — думает Анри. Все манипуляции с телефоном проделывает по приказу префекта жандарм в офицерской форме. Префект стоит у него над душой и заметно нервничает. Нелегко передать требование демонстрантов командиру жандармов, да еще неизвестно, как тот ко всему этому отнесется.

Вся картина напоминает карикатуру на фронтовой штаб во время первой мировой войны. Даже движения у полицейского, когда он нетерпеливо вертит ручку телефона, нелепо ускоренные, как в фильмах той эпохи. Ну, наконец-то командир у телефона. Префект берет трубку.

— Поймите, они у меня в кабинете... Что? Ну, а если они захватят все здание... Словом... — Он спохватывается, что проговорился. Анри стоит рядом, и префект нечаянно раскрыл свои карты. — Словом... вот как обстоит дело. Я им обещал, что вы уйдете с площади. Что? Что? Алло... алло!.. — Трубка упорно молчит, и префект бросает ее.

— Ну вот, готово!

— А почему я должен вам верить? — спрашивает Анри.

— Как это почему? Вы разве сами не слышали?..

— Вас-то слышал... а вот ответ? Мне даже кажется, что там повесили трубку, оборвав разговор. Разве не так? Да и все равно — это только одно из наших требований...

Они возвращаются в кабинет.

— ...еще освобождение арестованных.

Префект раздраженно машет рукой.

— Ну, знаете, вы уж слишком требовательны. Но, надеюсь, этого будет для вас довольно?

Префект снова направляется к телефону и сам начинает вертеть ручку.

— Нет, — отвечает Анри, следуя за ним, — еще вопрос о докерских карточках.

Префект хочет повесить трубку, которую он поднял, но подавляет свое желание с подчеркнуто беспомощным видом...

В кабинет Анри возвращается с посветлевшим лицом.

— Их сейчас освободят! — сообщает он товарищам. И, обернувшись к префекту, громко, во всеуслышание заявляет, чтобы предупредить возможную провокацию: — Господин префект, во всяком случае, вы должны признаться, что мы вели себя по отношению к вам вполне корректно...

— Еще чего не хватало! — возмущается префект.

При мысли, что угроза насильственного захвата префектуры устранена или, во всяком случае, скоро будет устранена, он облегченно вздыхает. Его бы выгнали с должности в два счета, как пить дать! Он это великолепно понимает.

— Хорошо, карточки вам тоже вернут, — обещает префект с таким видом, будто он решил это не под нажимом делегатов, а просто из благородства и великодушия. — Я при вас же отменю постановление. Впрочем, между нами, оно и было временным. Я же вам говорил, что вы не все знаете...

Префект усаживается за стол и пишет. Анри стоит рядом с ним. Кончив, префект расписывается, прижимает к бумаге пресспапье и ставит печать. Анри нагибается и через его плечо читает, что тот написал. Префект, потрясенный такой бесцеремонностью, решает, в свою очередь, поставить Анри в неловкое положение. Он встает и демонстративно любезным жестом приглашает Анри сесть на его место:

— Прошу вас...

Но Анри не так-то легко озадачить. Правда, несколько смешавшись, он не успевает сказать «А почему бы и нет?», как собирался сделать, но все же садится и холодно произносит:

— Очень признателен! — и, как ни в чем не бывало, продолжает читать бумагу.

А префект-то рассчитывал, что смеяться будут над Анри!..

— Пожалуй, так было бы не хуже! — совершенно серьезно замечает Сегаль.

— Не хуже? Было бы гораздо лучше. Нам именно такого и нужно! — говорит кто-то из женщин. Наверное, Раймонда.

ХОРОВОД

Чешские детские песенки [1] в переводах С. МАРШАКА

Рисунки Е. Ведерникова.

НЕУКЛЮЖИЙ ЖУЧОК

Я, жучок,
Рубил сучок,
Рубанул один разок.
Побежал скорей к врачу.
— Полечи меня! — кричу.
Вышел доктор-старичок:
— Что наделал ты, жучок?

— Я, жучок,
Рубил сучок,
Рубанул один разок.
Да сучок-то был хитер —
Не попал под мой топор.
Под топор попал я сам.
Тяп — и лапка пополам.

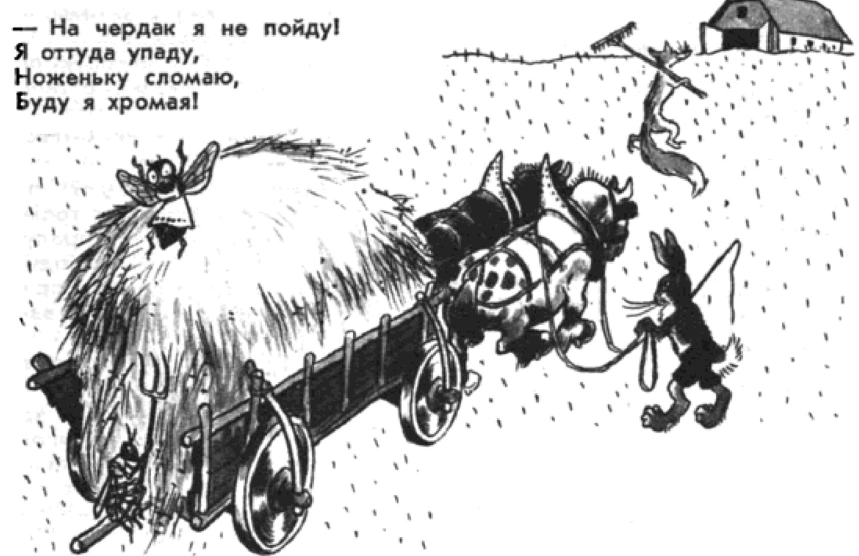

СЕНОКОС

Старый заяц сено косит,
А лиса сгребает.
Муха сено к возу носит,
А комар кидает.

Довезли до сеновала.
С воза муха закричала:

— На чердак я не пойду!
Я оттуда упаду,
Ноженьку сломаю,
Буду я хромая!

КОРОВА И КОШКА

Дай молочка, буренушка,
Хоть капельку — на донышко.
Ждут меня котята,
Малые ребята.
Дай им сливок ложечку,
Творогу немножечко.

Всем дает здоровье
Молоко коровье!

ЕЖ И ЛИСА

Бежит ежик
Вдоль дорожек
Да скользит на льду.

Говорит ему лисица:
— Дай переведу!

Отвечает серый ежик:
— У меня две пары ножек.
Сам я перейду!

КОЗЫ

Наши козы белые
Рвали груши спелые,
Козы серые трясли,
Козы рыжие несли
В город продавать.

СЕМЕЙКА

Мышка в кружечке зеленой
Наварила каши пшенной.

Ребятишек дюжина
Ожидает ужина.

Всем по ложечке досталось —
Ни крупинки не осталось!

РАЗГОВОР ДВУХ ЛЯГУШЕК

— Кума,
Ты к нам?
— К вам, к вам,
К вам, к вам!
К воде скачу,
Ловить хочу.
— А кого, кого, кума?
— Рака, карпа и сома.
— Как поймаешь, дашь ли нам?
— Как не дать? Конечно, дам!

В ХОРОВОД!

Можно ль козам не бодаться,
Если рожки есть?
В пляс девчонкам не пускаться,
Если ножки есть?

За рога возьмем козленка,
Отведем на луг,
А девчонку за ручонку —
В наш веселый круг!

А, БЕ, ЦЕ

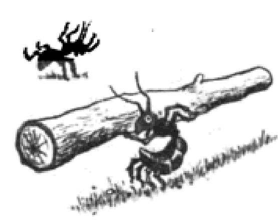
Знаешь буквы А, Бе, Це?
Сидит кошка на крыльце,
Шьет штанишки мужу,
Чтоб не мерз он в стужу.

ПОМОГИТЕ

Муравьишко в чаще
Дуб тяжелый тащит.

Эй, товарищи-друзья,
Выручайте муравья!
Коли нет ему подмоги,
Муравей протянет ноги.

УЛИТКА

Эй, улитка,
Высунь рожки!
Дам я грошик
На лепешки,
Пятачок
На табачок.
Высунь рожки
Хоть разок!

О ЧЕМ РАЗГОВАРИВАЛИ КОШКИ

Кошка спрашивала кошку:
— Есть ли когти у кота?
— Что за вздор ты говоришь!
Без когтей поймай-ка мышь.

Кошка спрашивала кошку:
— Есть ли дети у кота?
— Ты стара да глуповата.
Мы с тобой его котята!

ЗАЯЦ-БЕЗДЕЛЬНИК

Скачет заяц бороздой.
У него карман пустой.
Катя к зайцу подошла,
Калача ему дала,
Подарила медный грошик,
Чтоб купил еды для крошек.
А купил он табаку,
Курит, лежа на боку.
Этакий бездельник!

НЕСГОВОРЧИВЫЙ УДОД

Шла Марина с огорода,
Под кустом нашла удода.
А удод ей: — Ду-ду-ду!
Жить у вас я не бу-ду!
К старой бабке убегу,—
Даст мне бабка творогу!

МОКРЫЙ ВОЛК

Серый волк сидит в овраге.
Мокнут уши у бедняги.
Вылезет — посушит
Вымокшие уши.

ОЛЕНИ

Трудно оленям
Бежать по ступеням.
Боюсь, что олени
Сломают колени.

[1] Из сборника народных песенок и потешек, составленного Петром Денком. Сборник вышел под редакцией Станислава Неймана (Прага).

Сквозь большое звуконепроницаемое окно виден хор русской народной песни Всесоюзного радио.

Записано на пленку

Случается, здесь одновременно выступает несколько оркестров и хоров, читают десятки актеров, но в доме стоит тишина. «Тихо!», «Тише!» — такие сигналы горят повсюду, и возле дверей, на которых они светятся, разговаривают вполголоса: за стеной идет звуковая запись.

«Записано на пленку» — эти слова часто слышатся по радио перед передачей опер, спектаклей, репортажей. Иного слушателя подобное предупреждение расхолаживает: «Вот оно что, запись...» Такой слушатель не подозревает, что звукозаписывающий аппарат — магнитофон — не только не ухудшает, а часто даже улучшает звучание. Знаменитый актер мастерски спел арию. Но исполнение некоторых музыкальных фраз его не удовлетворяет. Он повторяет их снова и снова, а оператор из нескольких лент магнитофона монтирует одну. И в эфире ария звучит так, как, возможно, не удавалась она актеру даже в особом «ударе».

Звуковая запись таит в себе немало и других возможностей. Откроем осторожно одну из дверей, на которой висит надпись: «Тише! Идет запись!» Нет, мы не помешаем: перед залом, где поет хор русской народной песни, есть еще маленькая комната — режиссерская. Сквозь большое звуконепроницаемое окно виден хор. Многочисленные микрофоны расставлены в разных точках зала. А женщина, которая сидит на переднем плане справа, — звукорежиссер. С помощью особого устройства — пульта — она включает попеременно различные микрофоны. И тогда голоса одной, нужной режиссеру части хора выделяются, а другие звучат отдаленно. Запись сделана. Ее проигрывают, и кажется, что песню слышишь не «плоско», не из одной точки, а будто ты находишься внутри ансамбля и перемещаешься из одной его части в другую.

«Игра» микрофонами требует большого художественного мастерства. Тот, кто сидит у пульта, звукорежиссер, в сущности, дирижирует даже... самим дирижером, накладывает свой отпечаток на его трактовку произведения. Поэтому записи принимаются художественными советами, в которых участвуют крупнейшие деятели искусства.

Вот в одну из студий Дома звукозаписи Всесоюзного радио пришел на прослушивание композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Вместе с другими членами совета он принимал запись своей Первой симфонии, а сейчас слушает оперу «Севиль» азербайджанского композитора Фикрета Амирова. Амиров приглашал Шостаковича на премьеру своей оперы в Баку, но Дмитрий Дмитриевич поехать не смог и сейчас слушает произведение своего коллеги в Москве.

— Магнитофон значительно обогащает звуковые впечатления и познания музыканта. Благодаря магнитофону мне удалось собрать дома библиотеку звуковых записей: народные мелодии, классику, произведения товарищей, собственные сочинения, — рассказывает Дмитрий Дмитриевич.

«Звуковая библиотека» Дома насчитывает 60 тысяч записей. Ежедневно составители радиопрограмм просматривают каталоги фонотеки. Рулоны с магнитной пленкой приносят в студии, и вновь в эфире звучат голоса Горького, Качалова, Шаляпина, игра Сергея Рахманинова, Эдварда Грига, документальные записи давно минувших событий.

Но есть голоса, которым миллионы людей внимают почти каждодневно, — голоса дикторов Главного управления радиоинформации. Их голос будит и провожает ко сну, первым приносит важные вести. Дикторам подражают, по их произношению учатся правильной речи. Стоит диктору неверно произнести слово, и назавтра его ошибку повторят тысячи. Ошибки быть не должно! Дикторов консультируют виднейшие лингвисты. В дикторской комнате дежурят языковеды. Здесь своя большая — свыше 5 тысяч слов — «картотека ударений». Дикторы должны быть и художниками речи. Под руководством мастеров театра они ищут речевые «краски» для своих передач. И как за кулисами театра перед спектаклем, так и здесь, в дикторской, перед выступлением у микрофона, перед записью на магнитофоне, дикторы вчитываются, «вживаются» в текст. И так же, как актеры, волнуются перед записью.

Как раз об этом и рассказывает школьникам — Валерику Головинцеру и Нине Орловой, принимающим участие в чтении «Пионерской зорьки», — диктор Татьяна Дмитриевна Соболева:

— Это ничего, что вы волнуетесь, ребята. Сколько лет работаю на радио — и со мной то же самое. А вот приступят к записи — и все пройдет.

Никто не видит актеров, чей голос записывается на магнитную ленту, но они играют, как перед зрителями: жестикулируют, шагают по студии, «обыгрывают» различные предметы — кто вертит специально захваченную с собой трость, кто перелистывает книгу... Физические действия помогают актеру вызвать у себя определенное настроение.

И даже при записи уроков

Запись оперы «Севиль» композитора Ф. Амирова слушают (справа налево): композитор Д. Шостакович, музыканты Д. Кадымов и М. Мамедов; у магнитофона — оператор С. Анненская.

Идет запись урока «Гимнастики по радио». Преподаватель Н. Гордеев подает команду, и «позёр» В. Марченко проделывает упражнения. Аккомпанирует пианист В. Костин.

В ремесленном училище идет запись журнала «За доблестный труд».

«Гимнастики по радио» все делается так, будто происходят они на виду у слушателей. Когда в утренний час вы слышите: «Так, хорошо, очень хорошо... Наклон больше... Следите за дыханием»,— знайте: это не мысленное обращение к невидимым радиослушателям, это — реальное замечание реальному «позёру» — физкультурнику, исполняющему команду преподавателя гимнастики. Иначе тот, кто ведет урок, может... «выйти из роли» — спутаться, сбиться.

Выступает в Доме звукозаписи актер, чей голос, хоть он и часто звучит в эфире, не всегда узнают слушатели. Это Николай Литвинов. Он славится умением изменять свой голос. Это он, Литвинов, один, с помощью некоторых технических «фокусов», исполнял на разные голоса все роли в радиопостановке «Приключения Буратино», в том числе и роль «гул толпы».

Правда, не всегда гулы и шумы «играет» актер, не всегда даже они искусственно имитируются в студии. В фонотеке «шумов» Дома есть записанный на натуре рокот бушующего моря, шум проливного дождя, вой ветра. Целую ночь звукооператоры просидели в кустах, записывая... пение соловья.

Звукооператоры и репортеры проводили запись и под землей и над облаками. Мы засняли одну из бригад — оператора И. Иванова и журналиста Л. Пикалева — не так уж далеко, в ремесленном училище № 1 при Московском автозаводе имени Сталина. Здесь они готовили «страницу» радиожурнала «За доблестный труд». В этот момент они записывали выступление ученицы Вали Шубиной, рассказывавшей о том, что делается в мастерской училища.

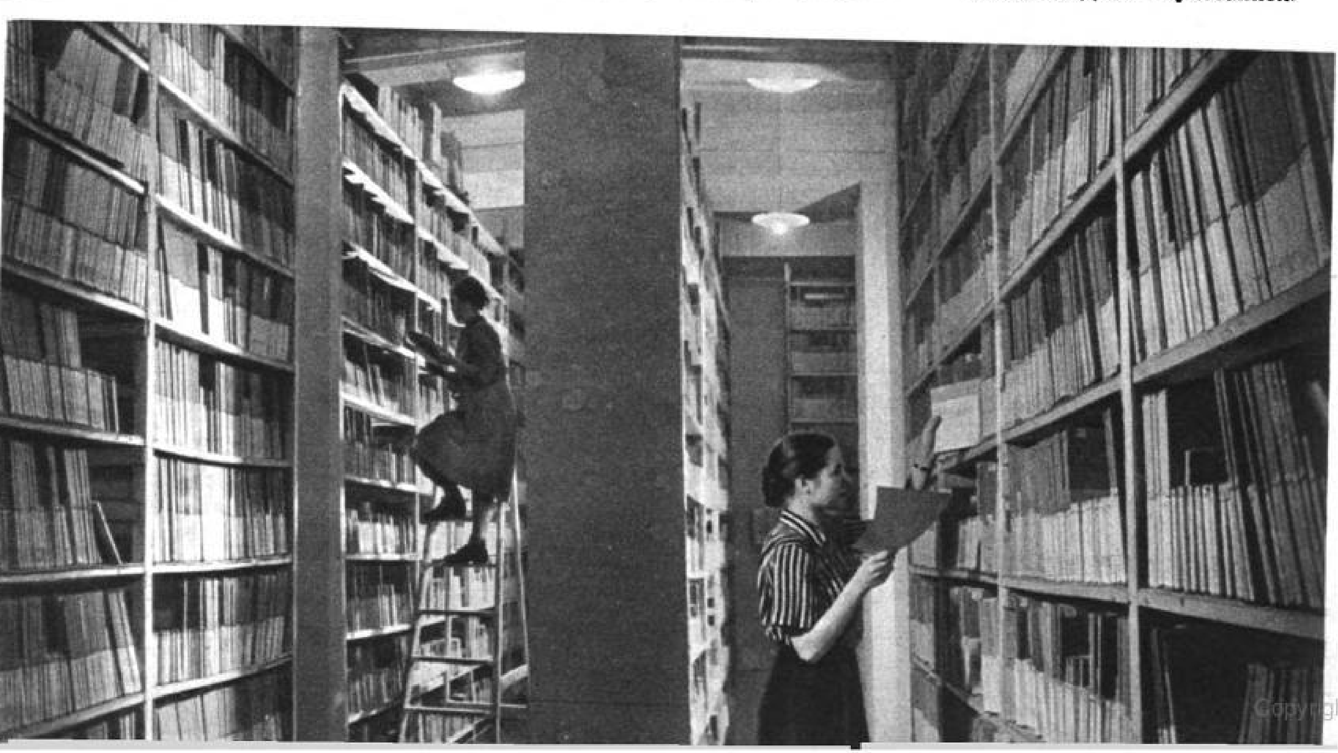
Есть записи на магнитной пленке «оперативные» и «фондовые». «Оперативные» передаются по радио раз — другой. Потом лента размагничивается, старая запись стирается, и на ее месте можно сделать новую. «Фондовые» записи сдаются в фонотеку. Они могут вновь понадобиться и через месяц, и через год, и через десятилетие. Они сохраняют для будущих поколений звучание быстротекущей жизни...

Такие записи должны быть особенно точны, чисты, лишены посторонних шумов. Вот почему так настойчиво взывают светящиеся надписи: «Тише! Идет запись!»

И. АГРАНОВСКИЙ
Фото Я. РЮМКИНА.

«Приступят к записи — и все пройдет», — говорит Т. Соболева юным дикторам.

Фонотека Дома звукозаписи.

«Маруся Богуславка» — музыка А. Свечникова. Балетмейстер — народный артист УССР С. Сергеев. Маруся — заслуженная артистка УССР Л. Герасимчук, Софрон — заслуженный артист УССР Н. Апухтин.

Гастроли Государственного академического театра оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко

Среди песен, сложенных и любимых на Украине, очень популярна песня о героической девушке маленького городка Богуслава— Марусе, боровшейся с турецкими захватчиками за независимость своего народа. Немало написано о ней легенд, сказаний, пьес. Сильный, волевой характер Маруси, ее любовь к своему народу, героизм событий привлекли к этой теме и создателей балета «Маруся Богуславка».

В 1951 году, за несколько дней до отъезда в Москву на декаду украинской литературы и искусства, Киевский театр оперы и балета имени Шевченко впервые показал этот балет, который он тогда подготовил для гастролей в столице. Работа носила следы спешки. В Москве критика это отметила, оценив постановку в основном положительно. Вернувшись в Киев, театр продолжал работу над спектаклем. И вот сейчас образы балета стали глубже, ярче, значительнее. Характер Маруси дан в развитии — от веселой, беззаботной и одновременно мечтательной девушки в I акте к отважной и мужественной героине. Образ Маруси в балете очень динамичен и выразителен. В танцах почти отсутствует пантомима (кроме картины в каменоломне).

Массовые сцены и отдельные образы решены выразительными, хореографическими средствами, и это — большое достоинство балета. Наиболее удачны первая и последняя картины — в украинском селе. Стремительны яркие массовые танцы: мелькают красные сапожки, дробно отбивают такт каблучки, раздуваются синие шаровары, разрезают воздух ленты; обаятельны лирические танцевальные сцены — девушки будто венок плетут. Легкие, сильные прыжки Софрона (заслуженный артист УССР Н. Апухтин) сменяются стремительными, головокружительными полетами Маруси (заслуженная артистка УССР Л. Герасимчук). Все это: и массовые пляски, и дуэты, и сольные танцы — сплетается в органическом единстве народного танца и классического балета.

Знакома зрителю по предыдущим гастролям в Москве и другая постановка киевлян, опера Н. Лысенко «Наталка Полтавка». Когда театр в 1936 году впервые приезжал в Москву, коллектив, не имевший большого опыта оперных постановок, сложившихся традиций (национальные оперные и балетные театры ведут свое начало только с 1925 года), решил «обогатить» оперу Лысенко. Была создана новая, значительно дополненная оркестровка, многое дописано в партитуре, и в результате спектакль оказался очень далеким от подлинника. Только в новой, последней постановке, осуществленной народным артистом СССР А. Бучмой, которую видит сейчас московский зритель, восстановлена вся прелесть произведения выдающегося украинского композитора. В спектакль введены народные песни в обработке Лысенко, очищен от всяких последующих наслоений текст, созданный в свое время Котляревским. Все это придало постановке аромат подлинно народного спектакля, каким и стала классическая опера Лысенко на Украине.

Знают москвичи и оперу «Богдан Хмельницкий», показанную театром в столице в 1951 году. И эта постановка претерпела с тех пор значительные изменения. На протяжении двух лет композитор К. Данькевич, авторы либретто В. Василевская и А. Корнейчук вместе с театром работали над новой редакцией оперы. Изменения внесены в общую композицию произведения — дописаны две картины, введены новые эпизоды,— заново пересмотрена режиссерская трактовка (постановщик — народный артист СССР М. Крушельницкий). Теперь опера «Богдан Хмельницкий» стала подлинно монументальным героическим произведением. Театр законно посвятил эту работу знаменательной дате — 300-летию воссоединения Украины с Россией.

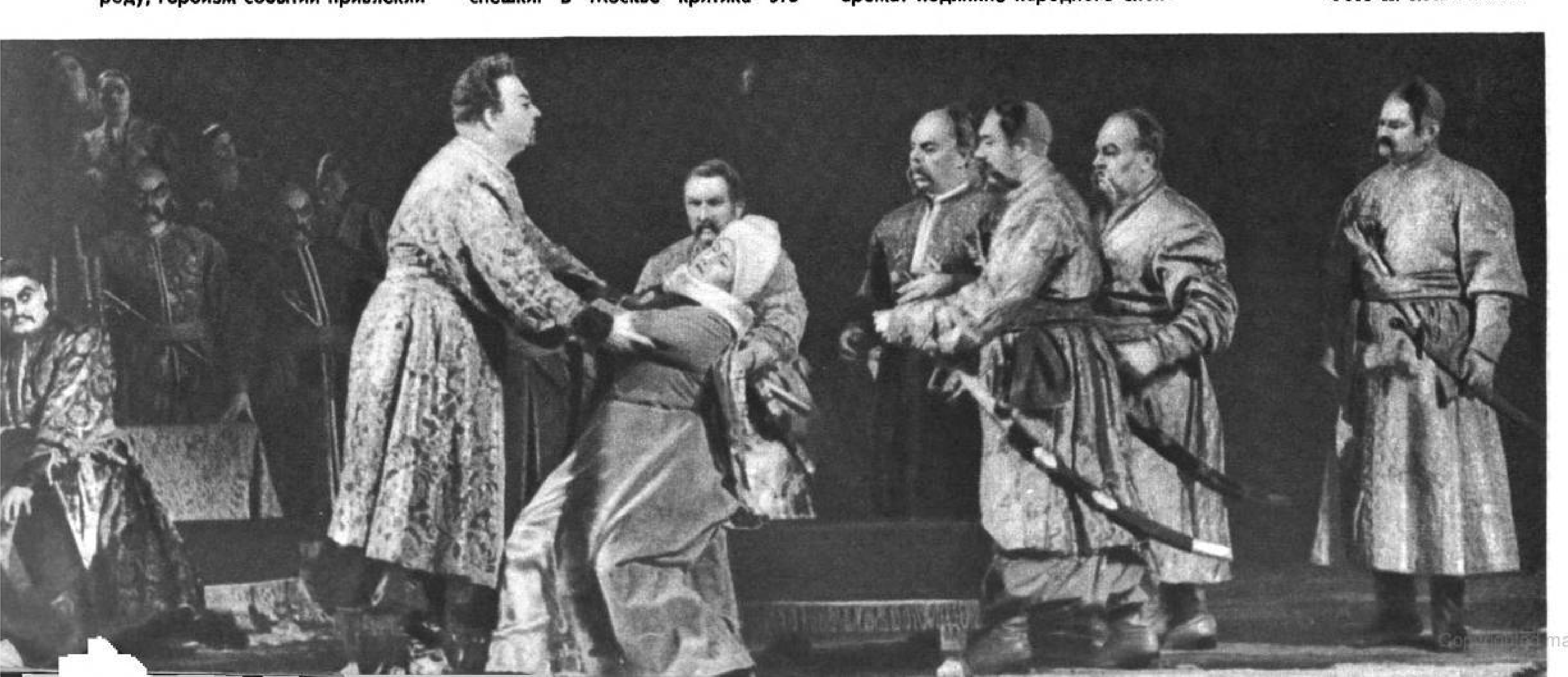
Четвертый спектакль, который театр показывает в Москве,— «Князь Игорь» Бородина. Русская классика, естественно, занимает большое место в репертуаре театра: оперы «Иван Сусанин», «Царская невеста», «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и «Демон», балеты «Спящая красавица», «Лебединое озеро» и многие, многие другие не сходят с афиш театра. В опере «Князь Игорь» украинские артисты и постановщики сумели создать жизненно убедительные, глубоко волнующие образы, донести до слушателя чудесную музыку и патриотические идеи оперы Бородина (постановщик — главный режиссер театра, народный артист УССР М. Стефанович).

Спектакли Государственного ордена Ленина академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко всегда горячо приветствуют московские зрители. И в то самое время, когда в стенах Большого театра несутся овации в адрес украинских артистов, киевские зрители рукоплещут коллективу Большого театра СССР — мастерам русской сцены.

И. ВЕРШИНИНА

↓ «Богдан Хмельницкий» — опера К. Данькевича. Сцена из спектакля Государственного академического театра оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко. Смерть Варвары. В центре — Богдан Хмельницкий (народный артист СССР М. Гришко) и Варвара (заслуженная артистка УССР Н. Гончаренко).

Фото Н. Козловского.

Заслуженный деятель искусств Украинской ССР И. И. Бокшай в своей мастерской.

Фото Н. Козловского.

«Деда! Неверно поешь!». Народный артист СССР И. С. Паторжинский с внучкой Наташей.

Фото Н. Козловского.

На квартире А. И. Ермолаева смотрят телепередачу.
Фото А. Новикова.

РЯЗАНЬ ВИДИТ ДАЛЕКО...

Вечерами в квартире рязанского инженера Анатолия Ивановича Ермолаева всегда многолюдно: собираются соседи, друзья, детвора. Вот и сегодня, устроившись поудобнее, девочки и мальчики смотрят передачу спектакля Центрального театра кукол «Кошкин дом» из Московской студии телевидения. Вместе с ними смотрим ее и мы. Смотрим и дивимся: нам говорили, что пределом приема московских телевизионных передач считается 70—100 километров, а Рязань находится от Москвы почти в 200 километрах. Каким же образом здесь все-таки принимают московские телепередачи?

Было это в 1949 году. В Рязанский радиоклуб для учебных целей привезли телевизор марки «Т-1 Ленинград». Телевизор включили, но ни звука, ни изображения, естественно, не появилось.

Все же несколько энтузиастов, детально изучив схему телевизора, решили изготовить аппаратуру, повышающую чувствительность приемника. Через месяц она была сделана и состояла из наружной антенны, на которую пошел троллейбусный провод, и трехлампового усилителя.

В день первого испытания радиоклуб был переполнен. Телевизор включили — и он заговорил: звуковое сопровождение передачи приняли. Но изображения на экране не было.

Об экспериментах рязанцев стало известно в Москве, в Центральном радиоклубе ДОСААФ. Московские специалисты И. Лобанов, А. Волков, С. Литвинов приехали в Рязань. Они привезли с собой два телевизора, пятиэлементную антенну и высокочувствительный усилитель.

Телевизор вновь включен. Секунды безмолвия, потом шорох, звуки музыки — и вдруг на экране появились кадры из кинофильма «Кубанские казаки». Возможность приема московских телевизионных передач на более дальних расстояниях доказана!

Это было важным событием не только для рязанских телелюбителей. В радиоклуб стали поступать письма из Владимира, Александрова, Калинина, Ярославля и других мест. Все они заключали одну и ту же просьбу: поделиться опытом.

Тем временем в Рязани на крышах жилых домов одна за другой появились антенны телевизоров. Несмотря на то, что качество передач оставляло желать лучшего, рязанцы верили в успех начатого дела и приобретали телевизоры. Инициативная группа телелюбителей клуба, теперь уже значительно выросшая, продолжала настойчиво работать над улучшением приема изображения. Они изготовляли новые, все более совершенные антенны, испытывали работу телевизора на различных высотах.

Однажды прохожие с удивлением наблюдали, как четверо людей поднимали на городскую пожарную вышку тяжелый полированный ящик с экраном. Зная, что высота влияет на приемную способность телевизора, любители продолжали экспериментировать.

Телевизор переправили в Ленпоселок, на квартиру инженера А. Ермолаева. Ленпоселок находится на горе и расположен выше пожарной каланчи. Там любители слушали телепередачу спектакля Театра оперетты. Видимость была значительно лучше. Тогда решили определить наивысшую точку, обеспечивающую отличный прием.

Вскоре в рязанском небе на высоте примерно 100 метров появился аэростат. В его кузове сидел радиолюбитель А. Гришин, рядом с ним стоял включенный телевизор. Аэростат постепенно набирал высоту: 100 метров... 150... 200... Но видимость в тот день была плохая, и опыт не удался.

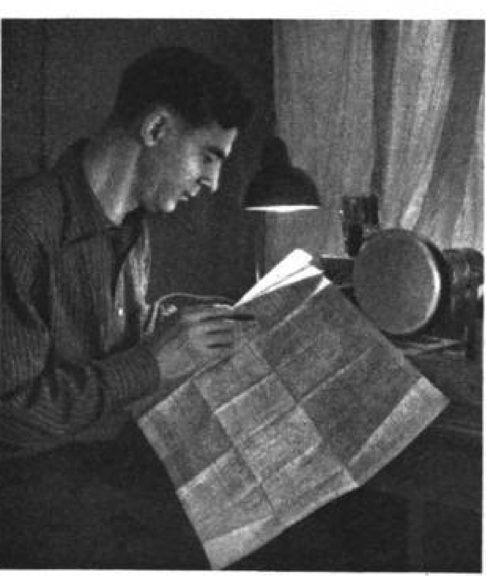
В городе появилось много любителей, которые помогали радиоклубу. А. Ермолаев, В. Стебнев, Е. Репин сами сконструировали телевизоры.

Особенно интересна работа А. Ермолаева. В который раз переделывая схему своего телевизора, он решил, что для улучшения приема надо разделить телевизор на два самостоятельных приемника: один — для приема звука, другой — для приема сигналов изображения. И вот както на рассвете работа была закончена. До начала очередной передачи оставалось много времени. В тот день на службе Анатолий Иванович беспрестанно смотрел на часы, а к вечеру стал нервничать: неужели два года упорных поисков не увенчаются успехом?

Вечером включенный телевизор вознаградил Ермолаева: телевизионная передача и по звуку и по изображению была хорошей.

В прошлом году рязанские телелюбители обратились в горком партии с просьбой построить телецентр и организовать в городе ретрансляцию московских телевизионных передач. К этому делу привлекли опытных специалистов. Сейчас уже установлена усилительная стойка-передатчик, сконструированная на основании опытных работ радиолюбителей. Этот передатчик даст возможность владельцам рязанских телевизоров принимать московские телевизионные передачи.

М. ГОЛОВКО

Инженер А. И. Ермолаев работает над схемой телевизора.
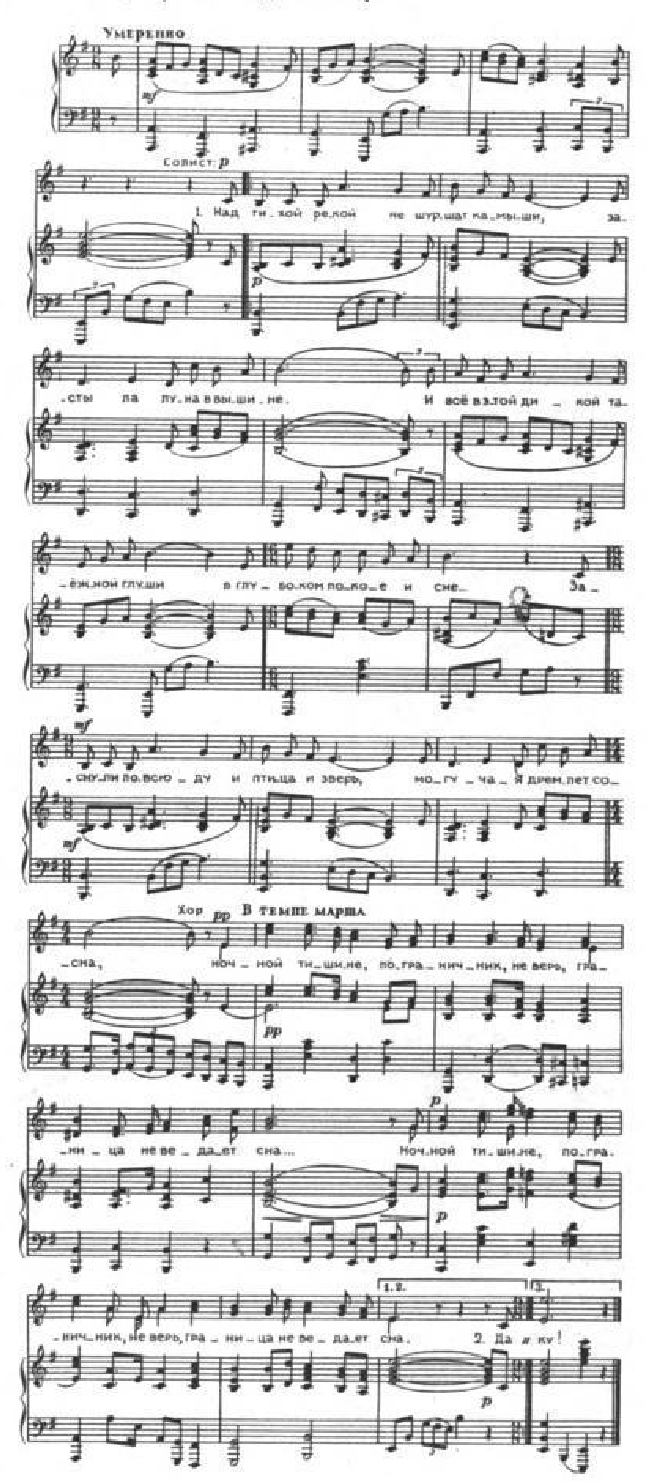
Над тихой рекой

Слова С. АЛЫМОВА Музыка Л. БАКАЛОВА

Над тихой рекой не шуршат камыши,
Застыла луна в вышине.
И все в этой дикой таежной глуши
В глубоком покое и сне...
Заснули повсюду и птица и зверь,
Могучая дремлет сосна,
Ночной тишине, пограничник, не верь,
Граница не ведает сна.

Далеко-далеко подружка твоя,
Далеко родительский дом.
Ночные, лесные, глухие края...
Безмолвно и тихо кругом.
И лес и поля отдыхают теперь,
Не плещет о берег волна.
Ночной тишине, пограничник, не верь,
Обманчива здесь тишина.

Ты здесь охраняешь границы страны,
Советской державы покой, —
В дремучем лесу у мохнатой сосны,
Над тихой холодной рекой.
Недвижна луна высоко в синеве,
Замолкла сова на суку.
Ночной тишине, пограничник, не верь,
Солдат, будь всегда начеку.

БЕССМЕРТИЕ УЛЕНШПИГЕЛЯ

К 75-летию со дня смерти Шарля де Костера

Книга Шарля де Костера, носящая задорное и причудливое название «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях отважных, забавных и достославных во Фландрии и иных странах», при жизни автора осталась незамеченной. Ее оценили лишь последующие поколения.

С 1914 года, когда внимание человечества было привлечено к Бельгии, первой подвергнувшейся нашествию германского милитаризма, «Легенду об Уленшпигеле» начали переводить на другие языки. Читатели всего мира увидели в «Легенде об Уленшпигеле» национальный эпос бельгийского народа, народа, который восстал когда-то против иноземных угнетателей.

Шарль де Костер (1827—1879) вырос в старинной буржуазной семье, связанной тесными узами с сановными представителями католической церкви. Молодой де Костер мог бы сделать блестящую церковную карьеру. Но он ненавидел клерикалов и, к неудовольствию своих родных, променял возможность обеспеченного, легкого существования под сенью католической церкви на жизнь литератора, полную лишений, нужды и яростной «борьбы за творчество».

Отшатнувшись от клерикального лагеря, де Костер скоро разочаровался и в буржуазии. Об этом свидетельствует его юношеская переписка. «Видеть народ, только народ! Буржуа повсюду одинаков!» — пишет де Костер во время путешествия по Бельгии и Голландии, которое он совершил по окончании Брюссельского университета.

Единственные люди, вызывающие уважение и симпатии будущего создателя «Легенды об Уленшпигеле»,— это рабочие: «...если хотите еще отыскать горячность, молодость, энтузиазм, силу, то только у этих людей, которые носят блузы и имеют мозолистые руки».

Сотрудничество в литературно-художественном журнале «Уленшпигель» не только натолкнуло де Костера на мысль о выборе героя для своего знаменитого произведения, но и оказало большое влияние на формирование его общественно-политического радикализма. Этому способствовала и вся общественно - политическая обстановка тогдашней Бельгии, страны, которую Маркс называл «маленьким раем помещиков, капиталистов и попов». В многочисленных ярких памфлетах Шарль де Костер отстаивает основные демократические права бельгийского народа от посягательства католической церкви. Когда же в 1861 году в Бельгии начались рабочие забастовки, вскоре разгромленные предпринимателями, писатель решительно становится на сторону забастовщиков и выступает на страницах журнала с их горячей защитой.

В «Уленшпигеле» появились и первые художественные произведения де Костера — народные легенды и рассказы на архаическом французском языке, собранные им впоследствии под заглавием «Фламандские легенды» (1858) и «Брабансонские рассказы» (1861). Тяготение к народной стихии и к национальному быту намечается уже и здесь. Но это был еще период ученичества, подготовки де Костера-художника. На создание своего шедевра ему понадобилось почти десять лет жизни.

Материальная нужда заставила Шарля де Костера в 1858 году поступить на службу в государственный архив. Эта служба помогла ему глубоко заглянуть в прошлое своего народа. Пристальная работа над старинными хрониками и многочисленными историческими документами, внимательное изучение народных книг, преданий, песен — все это было той почвой, на которой выросло грандиозное полотно «Легенды об Уленшпигеле», произведения, обессмертившего имя Шарля де Костера. Эта книга показалась современникам писателя опасной. Буржуазные издатели не удостаивали ее своим вниманием. Буржуазная критика, за незначительными исключениями, недоброжелательно молчала. Шарль де Костер умер в нищете и одиночестве, и даже могилу его долго не могли найти.

«Легенда об Уленшпигеле» — повествование о людях и событиях нидерландской революции XVI века — сразу вводит читателя в атмосферу напряженнейшей политической борьбы.

Испанский король Карл Пятый, а потом его сын Филипп Второй и жестокий палач герцог Альба, опираясь на католическую церковь и террор инквизиции, ограбили и разорили трудолюбивый народ Фландрии, отняли у него права и вольности, превратили его землю в унылое кладбище. И Фландрия восстала против испанской тирании.

Воскрешая эту славную эпоху истории Бельгии, Шарль де Костер, ставит в центр романа гезов («нищих») — народных повстанцев, революционных партизан XVI века, боровшихся за свободу. Неугасимое пламя народного мятежа Шарль де Костер воплотил в смелом страннике-гезе, бунтовщике и плебее Тиле Уленшпигеле.

Этот образ, органически связанный с фольклором, зародился в народной фантазии еще в средние века. Популярные во Фландрии старинные анекдоты и шванки рассказывали о веселом пройдохе Тиле Эйленшпигеле, который, по преданию, жил в XIV веке, бродил по дорогам и беспечно дурачил и высмеивал заносчивых рыцарей, жадных монахов и скупых купцов. Шарль де Костер перенес народного забавника и балагура в XVI век и превратил его в национального героя, в борца за свободу.

В первых частях романа, рисующих детство и юность Уленшпигеля, он еще мало отличается от своего фольклорного предка, от которого унаследовал страсть к озорству, к насмешке и занозистой, откровенно вольной шутке. Но по мере того как Тиль мужает и все более вовлекается в вихрь революционных событий, характер и смысл его дерзких проказ и хитрых проделок меняются: изворотливость, ловкость, народная сметка становятся грозным оружием в яростной войне. «Уленшпигель...— говорит Ромэн Роллан,— освободитель, мстящий за свой народ смехом, мстящий за него топором».

Сын угольщика Клааса, умершего страшной смертью на костре инквизиции, и его жены Сооткин, погибшей от пыток, Уленшпигель поклялся отомстить палачам. Мешочек, в котором хранится прах отца, он постоянно носит на груди. Личное горе Тиля Уленшпигеля сливается с горем его родины. «Пепел Клааса стучит в мое сердце»,— говорит Тиль Уленшпигель всякий раз, когда узнает о новых зверствах поработителей. Во имя спасения изнывающей Фландрии он оставляет свой дом, любимую подружку — ласковую Неле — и обходит из конца в конец родную землю: «благословенны скитающиеся ради освобождения родины». Он становится воином, разведчиком, вербовщиком солдат, морским гезом, вожаком революции. Всюду, куда ни приходит Тиль Уленшпигель, в ответ на его условный сигнал — свист жаворонка — слышится крик петуха, всюду он находит друзей и соратников, готовых по его зову идти добывать свободу. Он собирает и сплачивает народные силы, он поднимает народ на восстание. Враги ненавидят Тиля Уленшпигеля, они мечтают его погубить, но, неуловимый и вечно юный, он бессмертен, как бессмертен сам народ.

Связь Тиля с народом, с его помыслами, чувствами, стремлениями показана необыкновенно ярко и убедительно. Фландрские низы — крестьяне, солдаты, ремесленники, горожане, трактирные девушки — выступают и действуют на протяжении всего романа. Сначала это только придавленная народная масса, но она полна человечности и скрытых сил, настойчиво ищущих выхода. Народ возмущается, когда казнят невинного Клааса, требует мести предателю-рыбнику, предупреждает Тиля о ловушках, расставленных ему шпионами. Когда же народ встает во весь рост и поднимается против захватчиков, он становится решающей силой в национально-освободительной войне.

Представители дворянской знати, выступившие против короля, вскоре изменяют восставшим: они «пожертвовали благом Бельгии ради своего личного блага». «Зажиревшие» купцы предательски отказываются защищать родной город, «боясь, что в случае успеха простой народ получит слишком много прав».

Самоотверженно борется лишь народ. Это понимает не только умудренный жизненным опытом Тиль Уленшпигель, поющий грозную «Песнь о предателях», но и его вечный спутник, добродушный Ламме Гудзак, простак и обжора, в котором бьется, однако, свободолюбивое сердце.

Борьба народных масс — основа движения истории, утверждается в романе. И в этом — величие и сила Шарля де Костера как художника.

Бесконечно многообразно рисует эпопея народную жизнь и народный характер. С огромной любовью и живым пониманием изображает художник тончайшие оттенки национального быта.

Мрачные эпизоды казней и пыток, освещенные пламенем костров, сменяются сценами мирного хлопотливого труда, патриархального семейного уюта. Жанровые картины бурного народного веселья, описание пирушек в харчевнях и на постоялых дворах, плясок и хороводов под открытым небом заставляют своей буйной рубенсовской красочностью вспомнить произведения старинных фламандских мастеров.

Книга оптимистична, как оптимистичны народные сказки и легенды.

«Уверен ли ты, что в этом мире уже нет ни Карлов Пятых, ни Филиппов Вторых?» — спрашивает Шарль де Костер в «Предисловии Совы», предпосланном его книге. Этим вопросом писатель как бы раскрывает неумирающее значение своего романа.

И сейчас в новом обличье сохранились Карлы и Филиппы. И сейчас Шарль де Костер попрежнему с патриотами Бельгии. Недаром на страницах газеты бельгийской компартии «Драпо руж» рядом со статьями, посвященными борьбе народа за демократические права и за мир, печатаются подробные статьи о Тиле Уленшпигеле и его творце.

Тиль Уленшпигель не умер. Он живет в сердце бельгийского народа как воплощение его национального характера, как самый яркий цвет его национальной культуры. Он живет и в сердцах свободолюбивых людей всего мира.

М. ЧЕРНЕВИЧ

Иллюстрации Е. Кибрика к «Легенде об Уленшпигеле».

В ПУТИ

Не ветер бушует над бором,
не с гор побежали ручьи —
писатель Леонов дозором
обходит владенья свои.

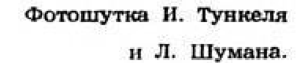
Глядит, как природа богата,
как люди повсюду в чести,
какие в три полных обхвата
сюжеты стоят на пути.

Идет, через кочки шагает,
глядит по-хозяйски остро.
И ярко на солнце играет
его золотое перо.

Походка легка и проворна.
И надо сказать молодцу:
лесничего строгая форма
обходчику жизни к лицу!

Не застит деревьев завеса
прямую дорогу ему.
И в зарослях «Русского леса»
и сердцу светло и уму.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Фотошутка И. Тункеля и Л. Шумана.

СЛУЧАЙ В ОКЕАНЕ

Два плоских песчаных острова были обнаружены с самолета в прибрежной части Ледовитого океана. Один остров назвали «Самолетом», другой — «Аэросъемкой». На «Аэросъемке» решено было поставить большой навигационный знак для оповещения мореходов об опасной отмели.

Наступила пора жестоких штормов, и долгое время не удавалось доставить на остров рабочих. Но вот выдался тихий светлый день, и в океан ушло судно с плотниками и монтажниками. Они возвели на отмели огромный навигационный знак. Теперь нужно было произвести астрономические счисления и занести маяк на карты.

Гидрографическое судно «Полярник» приняло на борт астрономическую партию. По штормтрапу поднялись начальник партии комсомолка Рая Ромашова, радист-оператор Евгений Слободчиков, радиотехник Владимир Кучко и молодой рабочий Вася Васильев.

Корабль осторожно подошел к линии прибоя и бросил якорь. Будущие островитяне перенесли из шлюпок оборудование астропункта, продовольствие, палатку. «Полярник» отсалютовал гудком и исчез в дымке полярного океана.

Началась жизнь на острове «Аэросъемка». Рая проснулась рано, разбудила товарищей: скорей за дело, пока хорошая погода! Слободчиков занялся радиостанцией, а Рая с Васей отправились строить астрономический пункт. Для этого им нужно было набрать на берегу плавник — бревна и брусья, выброшенные океаном, и перенести к выбранному месту. Ловкие руки соорудили высокий трехгранный знак — пункт.

На следующий день разыгралась песчаная буря. Сквозь рев и гул Слободчиков и Кучко принимали сообщения с берега и, в свою очередь, передавали метеорологические наблюдения. Рая уснула. Ей показалось, что она только смежила глаза, как ее разбудили. Вода подошла к палатке. Рая приказала немедленно эвакуировать имущество из палатки. Куда? Она знала, куда: на перекладины деревянного знака, который поставили на острове плотники. Это была маячная башня, сколоченная из бревен, на которой горел, не угасая ни днем, ни ночью, сигнальный ацетиленовый фонарь. В основании деревянной башни находилась тесовая будка, в которой хранились баллоны с ацетиленом. В эту будку начали переносить книги, журналы, продовольствие; бочку с керосином привязали бечевой. Общими усилиями сняли палатку и подняли на знак.

Больше всего Рая беспокоилась о судьбе астрономического прибора. Он был установлен на самом высоком месте острова, и вода еще не подошла к нему. Рая бросилась в волны, выбралась на крохотный участок суши, на котором виднелся инструмент, и принялась его разбирать. Васильев, Слободчиков и Кучко переносили по воде детали и укладывали их на деревянные настилы башни. Здесь же пристроили радиостанцию и аварийный запас продовольствия.

Теперь возник новый вопрос: выдержит ли такую тяжесть деревянное сооружение, никак не предназначенное для жилья и хранения грузов? Около навигационного знака стояло приспособление из брусьев для подъема бревен во время строительства. Ударом волны оно было разрушено и выброшено в океан. Затем волны сорвали утлую лестницу, по которой забирались плотники, с гулом сбросили бочку из-под керосина, и она запрыгала на воде. Раздался долгий и злой треск тесовых досок: вода разбивала будку, в которой хранились ацетиленовые баллоны. Рая бросилась через сорванную крышу в будку, подхватила журналы, книги, документы, приборы. Только она выскользнула назад, как будка рухнула, и в ту же минуту резко покосился весь маячный знак.

Астрономическая партия поднялась еще выше, к звездам, на самые верхние, последние перекладины маяка. Привязавшись веревками к бревнам, гидрографы держались на досках, спали по очереди. Так прошли сутки.

Особенно грозный треск свайной постройки заставил Раю собрать совет: нужно ли передавать «Sos» на Большую землю? На вторые сутки решили: передать. Слободчиков надел наушники и в условленный час спокойно передал просьбу помочь островитянам.

Грохот оглушал горстку людей. И вдруг к грозным звукам прибавился еще один, доносившийся с неба. Рая подняла голову: летел самолет. Он описал широкий круг над маяком, приветливо махнул крылом и исчез. Через час по радио было получено сообщение: приняты меры для спасения астрономической партии — из бухты уже вышло гидрографическое судно, дан приказ всем судам, находящимся в районе острова, подойти к нему и помочь гидрографам.

Шторм стихал, когда к острову подошел «Полярник». Моряки увидели среди волн круто покосившийся, почти упавший навигационный знак, а на нем темные точки — людей. Капитан запросил по радио: «Как дела?». «Хорошо»,— ответили с деревянного островка. «Настроение, здоровье?». «Отлично!» — передавал Слободчиков. Рая продиктовала ему: «Не спешите, товарищи! Подойти по мели очень сложно и опасно, мы потерпим».

...Когда все островитяне были на палубе «Полярника» и благодарили моряков, опять подул шторм. Пришлось выждать в океане еще двое суток, чтобы вновь подойти к маяку и снять оставшиеся приборы и радиостанцию.

Наконец звонок в машину: полный вперед! Гидрографы отдохнули и потом снова пошли в океан, на песчаные острова.

Е. РЯБЧИКОВ

Рая Ромашова (в центре) со своими подругами-полярницами Верой Микулиной (слева) и Марианной Сатраповой.

МОДЫ

Печатаются по просьбе читательницы Л. К. Бобылевой из г. Владивостока

Платья для школьного бала

1. Платье из крепжоржета светлых тонов. Перед лифа и юбка поперечные. Рукава, выкроенные вместе с лифом, собранные на плечах, сзади втачные. Воротник, завязывающийся спереди бантом, цельнокроенный со спиной. Юбка с одним швом, собрана по талии на боках и сзади. Платье отделано складочками, застроченными по долевой нитке.

Автор модели — В. П. Бутусова.

Ателье № 35 треста «Мосиндодежда».

2. Платье из плотного белого шелка, крепа, крепгранита, крепдешина и т. п. Лиф спереди отделан складочками-защипами, застроченными в клетку по долевой и поперечной ниткам ткани. К вороту по линии выреза притачены долевые бейки, продергивающиеся сквозь петли. Рукава также отделаны бейками. Юбка расклешенная, восьмиклинная, причем каждый клин с одной стороны долевой, с другой — раскошенный.

Автор модели — А. М. Кирина.

Ателье № 36 треста «Мосиндодежда».

3. Платье из белой шелковой ткани, отделанное тесьмой или суташем. Если платье шьется из креп-сатина, можно вместо тесьмы настрочить узкие бейки из ткани на блестящую сторону. Рукава, собранные по окату, вшиты по линии заниженной проймы. Юбка прямая, собранная по талии.

Автор модели — М. Д. Карагодская.

Ателье «Росглавтрикотажа».

МОЛОДОЙ ЖИВОПИСЕЦ

На Всесоюзной художественной выставке 1950 года среди прочих полотен запомнилась картина «А. Н. Радищев», подписанная мало кому известным художником В. Гавриловым. Картина была незавершенной, ее композиция заставляла желать лучшего, и все же она приковывала внимание искренностью чувства, выраженной в ней мыслью: страстен порыв Радищева, горячо бьется сердце мужественного, сильного человека.

Картина была написана студентом Московского художественного института имени Сурикова.

Гаврилову предстояло писать диплом. Темой был выбран жанровый сюжет «В семье». Долго и упорно трудился молодой живописец, но результат его не удовлетворял. Незадолго до срока Гаврилов стал писать другую картину — о Сурикове, самом любимом своем художнике.

Внимательно проштудировал он материал. Как известно, Сурикова писали и Репин, и Крамской, и В. Н. Мешков. Есть и несколько великолепных автопортретов самого Сурикова. В своей работе над образом художника Гаврилов более других использовал графический автопортрет, созданный Суриковым в 1910 году, и некоторые сохранившиеся фотографии.

Можно спорить в отношении того, удачен ли выбор позы Сурикова: автор посадил его «покрасивее», лицом не к холсту, а к зрителю. Но то, что самый образ великого художника здесь «угадан», представляется бесспорным. Перед нами именно Суриков — суровый, сосредоточенный, полный мыслей и дум; Суриков, с образом которого согласовываются и «Боярыня Морозова», и «Покорение Сибири», и «Утро стрелецкой казни».

После «Сурикова» казалось, что путь Гаврилова определился,— это живописец исторических сюжетов. И вдруг на последней Всесоюзной художественной выставке появляется его картина «На рассвете» («Молодые изыскатели»). Известно, что и раньше Гаврилов пробовал свои силы в создании картины на современную тему. Окончив среднюю художественную школу в Москве, он в годы войны был принят в студию военных художников имени Грекова. Бывал на фронте, сделал много этюдов. Вместе с Б. Неменским в 1943 году Гаврилов написал полотно «К родным местам», ныне хранящееся в Иркутском музее, а годом позже, уже самостоятельно,— картину «Родные поля». Сюжет ее прост: крестьянская девушка, облокотившись на плетень, загляделась на родные поля.

О «Молодых изыскателях» много писали. Картина имела успех, получила известность. Сюжет ее возник, быть может, из слышанных еще в детстве рассказов отца, бывшего начальником разведывательной партии. Картина полна романтики. В ней, как и в прежних работах Гаврилова, отдельные недостатки с лихвой искупаются искренностью, влюбленностью художника в то, что он пишет.

Е. БРАГИНСКИЙ

В. Н. Гаврилов. В. И. СУРИКОВ (Фрагмент картины). 1951 год.

Обо всем

200 ТОНН ЛАНДЫШЕЙ

Собирать ландыши — приятное занятие. Но если бы вам предложили собрать 200 тонн этих цветов, вы, вероятно, сочли бы такую задачу фантастической. Между тем еще несколько лет назад потребность нашей лекарственной и парфюмерной промышленности в ландышах определялась примерно таким количеством. Сейчас она, конечно, еще больше.

Ландыши принадлежат к одним из самых любимых весенних цветов. Их можно видеть везде — и в квартире, и в цехе завода, и в кабине самолета. Белоснежные, тонко благоухающие, похожие на кружева, они не только веселят взор и радуют обоняние. Приготовленные из цветов ландышевые капли укрепляют и регулируют работу сердца.

А. БОРИСОВ

Между прочим

СЛЕЗЫ ХУДОЖНИКА

Датского скульптора Бертеля Торвальдсена однажды застали плачущим возле его последней работы.

— Что с вами? — спросили Торвальдсена.— Разве ваше творение не удовлетворяет вас?

— Я не вижу в своем произведении никаких недостатков...— ответил скульптор.

— В таком случае, в чем же причина вашего горя?

— Именно в этом! Если я не вижу недостатков в своей работе, значит, мой талант в состоянии упадка.

Рисунок Л. Самойлова.

Гроссмейстер ПОШЕЛ КОНЕМ...

С неослабным вниманием следят любители шахматного искусства за всеми перипетиями матча двух сильнейших шахматистов мира: советских гроссмейстеров М. Ботвинника и В. Смыслова.

В зрительном зале, где происходит это соревнование, нет равнодушных зрителей...

Белые пошли конем... По залу прокатился гул взволнованных голосов...

«Убийственный ход! — шепчет болельщик соседу.— Надо было идти слоном на...»

«После этого хода белые форсированно выигрывают»,— комментирует ту же партию бывший претендент на звание чемпиона мира — гроссмейстер Д. Бронштейн.

Эта компания достала всего один билет. Она расположилась у входной стеклянной двери. «Счастливчик», которому по жребию передан билет, обязан бегать из зала вниз и «кодировать» друзьям каждый очередной ход.

«Из прессбюро сообщают, что белые пошли конем на... Кажется, мы выигрываем!..»

«После этого хода белые форсированно проигрывают»,— комментирует партию у демонстрационной доски в фойе один из любителей.

«После хода конем возникают головоломные осложнения...» — торопится проверить найденный им вариант бедняга, не успевший даже пообедать.

И здесь так же кипят страсти, так же горячо обсуждаются последствия очередного хода...

Фото Е. ТИХАНОВА.

Пиковые хлопоты

Иван ГОРЕЛОВ

Рисунки Е. Ведерникова.

Захватив с подоконника потертый портфель с отчетными документами, Никанор Пантелеевич Довбня коротко бросил жене:

— Сооруди!

Затем размашисто хлопнул калиткой и зашагал к зданию правления колхоза походкой человека, привыкшего властвовать.

— Хорошо, Никаноша, хорошо! Ни пуха, ни пера тебе! Дай бог, чтобы все благополучно было! — с умилением причитала Анна Акимовна.

Она не без гордости любовалась независимой осанкой мужа. Плечи вразлет, грудь — колокол. Голова в серебристой смушковой кубанке молодецки вскинута вверх.

Года два тому назад, будучи полеводом, Никанор Довбня держался иначе. Ходил торопливо, слегка сутулясь, встречным непременно кланялся. А как потерся годик — другой среди руководящего персонала — и уж сам персона.

Руководил он большим хозяйством — семь тысяч гектаров первостатейного чернозема. Половину пахотной земли засевали по контрактации сахарной свеклой, клещевиной да подсолнечником, и доходы поэтому из года в год умножались.

Колхоз был самым крупным в районе, и Никанора Пантелеевича непременно приглашали на все конференции, слеты, собрания и совещания, в которых, кстати сказать, нужды не ощущалось. Однако был усидчивый заместитель — агроном Донченко, не так давно окончивший Краснодарский сельскохозяйственный институт, и хозяйство почти не страдало из-за этих отлучек.

По целым неделям жил председатель в районном центре или в Краснодаре, и неизбежно поэтому установились приятельские отношения с районными и даже краевыми начальниками. Домой к нему запросто заезжали председатель райисполкома и второй секретарь райкома. А районный военком — бравый, вечно улыбающийся капитан Свинчаткин — почти каждую субботу увозил Никанора Пантелеевича на охоту, «плавни трамбовать», как выражались местные остословы.

Свою крайнюю занятость мягкосердечный и сговорчивый со старшими по чину председатель выражал лаконичностью языка: он даже дома говорил без прилагательных, а короткими повелительными фразами: «Сооруди», «Налей», «Действуй». И Анна Акимовна понимала его с одного слова.

Прочность положения, привычка руководить, а точнее, повелевать, и придавали молодецкий вид Никанору Пантелеевичу.

Проводив мужа, Анна Акимовна разожгла плиту, достала из погребка огромный кусок свинины и принялась готовить любимое Никанором Пантелеевичем рагу с томатным соусом.

Спустя час в большом чугунном казанке аппетитно шкварчало жаркое, а в духовке подрумянивался запеченный в тесте округлый окорок. В горнице запахло чесноком, солеными помидорами и перцем. Из кладовки были принесены заранее припасенные бутылки с белыми головками, городской сыр и консервы.

Вскоре забрела Мотя — желтолицая, глуховатая старушка, жившая по соседству. Без ее участия не совершалось в станице ни одно торжество, будь то свадьба или новоселье. Мотя была вездесуща, и казалось, что одарена она на этот счет особым чутьем.

Поклонившись хозяйке, старушка, как у себя дома, без приглашения начала покрывать стол новой полотняной скатертью. Затем она молча расставляла посуду и убирала из горницы лишнюю утварь на случай танцев.

— Как это ты, Мотя, узнала, что я угощение готовлю? — беззлобно допытывалась Анна Акимовна.

— Голубушка милая, да тут и дурак догадается! Нынче перевыборы председателя. А Никанору Пантелеевичу, как я прикидываю, не миновать сызнова в атаманах ходить. Фигура, почитай, районного масштаба. Без него, как я прикидываю, ни одно совещание не правомочно. Уж кто еще в районе более желанный человек: в станице реже ночует, чем там! Да и колхоз до такой чести поднял. Гляжу, а у тебя дымок над куренем синими волнами пластается.

— Нужно, Мотенька, нужно. В прошлом-то годе как получилось? Выбрали моего Никаношу председателем в другой раз. Ну, и нагрянула к нам с собрания целая рота. Бригадиры, счетоводы, кладовщики! Да и районщики «погреться» зашли. Уж металася я, металась, с ног сбилась. С миру по нитке собирать пришлось. А теперь милости просим: и выпить и закусить есть чего по христианскому обычаю, — самодовольно поясняла Анна Акимовна.

— Третий раз твоего выберут?

— Третий, Мотечка, третий. Теперь уже безо всякого сомнения. Колхоз наш не то что по району — по области гремит. Где еще получают по четыре килограмма зерна? Осенью трехтонка трудодни по дворам развозила.

— Дельного человека чего ж не выбрать, дай бог ему здоровья. А только и недовольные, Нюра, есть.

— Всем не угодишь. На солнце и то, говорят, пятна нашли. В календаре написано. А район моего Никаношу ни на кого теперь не променяет. Шофер секретарский обедал позавчера у нас — лично говорил. А ведь кому больше знать, как не ему: неотступно при начальстве дежурит!

— Болтают, что Никанор Пантелеевич отлучается часто.

— Пускай на здоровье болтают. На чужой роток не накинешь платок. А отлучается не к теще в гости, а по делу. Руководитель, а не хвост собачий.

— Да и про охоту говорят...

— А с кем он на охоте бывает, ты сама рассуди!.. От зависти скрипят люди.

Когда управились, Мотя вытерла руки о суровое кухонное полотенце и вытащила из-за пазухи тряпицу, в которую была завернута старая колода карт. Она спокойно отодвинула с края стола тарелки, нашла в колоде пикового короля и принялась окружать его стертыми картами:

— На Никанора Пантелеевича раскину. Рука у меня верная, Нюра. Недавно Стороженковой молодайке насчет мужа гадала. На станции в буфете торговал... Казенный дом ему выпал... И что ж ты думаешь, голубушка милая: через пяток дней забрали его за растрату!

— Ты и на моего еще беду накличешь, сорока!

— Нет, матушка Нюра, я не злая. Твоему благоверному вот что выпадает: казенные хлопоты, волнение. И дорога...

— В Краснодар на совещание вызовут.

— Еще раз, голубушка милая, хлопоты, приятная неожиданность и забота, — гудела Мотя.

— А на сердце что?

— На сердце у него, матушка Нюра, радость, казенный интерес и опять большие пиковые хлопоты.

Анна Акимовна подсела ближе и взглянула на карты:

— Ты что, Мотя, сдурела? На пикового короля гадаешь! Разве мой Никаноша пиковый?

— А какой же? В парубках, помнится, цыганом дразнили его.

— Был цыган, да весь вышел. За два года порыжел от умственной работы. Перетасуй да раскинь на червонного.

Мотя послушно отыскала червонного короля и привычной рукой снова разбросала карты.

— Ложатся пики, голубушка милая. Опять пиковые хлопоты. Неожиданность, казенный интерес.

— А ну-ка, на трефового разложи. Никаноша ведь только по краям порыжел. А сверху он, можно сказать, чернявый.

Мотя проворно разложила карты и просияла:

— Вот!.. Выпало наконец: трапеза, волнение и опять веселая трапеза...

— Веселая!.. Ой, Мотечка, да какие ж мы с тобой дуры! Давай Кирюху с баяном позовем. Вот сюрприз для Никаноши будет! Сбегай-ка, позови! — спохватилась Анна Акимовна.

— Спит, должно быть.

— Сбегай, не поленись. Отблагодарю.

Моте не хотелось идти на край станицы по раскисшей весенней дороге. Однако она безропотно накинула на плечи кофтенку и лениво вышла за дверь.

Возвратившись, старушка рассказала о том, что Кирюху увезли на соседний хутор, на вечеринку, но как только он заявится, непременно пришлют сюда.

Время подвигалось к полуночи, а Никанора Пантелеевича все не было. Наконец пронзительно скрипнула калитка, открытая резким толчком. Вошел хозяин. Он смахнул с головы кубанку и, заметив Мотю с картами в руках, сердито топнул ногою:

— А ну, тетя Мотя, собирай свои лохмотья. Кыш!

Старушку будто ветром сдуло.

Никанор Пантелеевич молча откупорил бутылку, залпом выпил стакан водки и, не закусывая, опустился на стул.

— Перенесли собрание или что? — робко спросила Анна Акимовна.

— Голову твою пустопорожнюю перенесли.

Предчувствуя недоброе, Анна Акимовна присела поодаль и печально съежилась.

— Вот народец пошел!.. Да-а! Отблагодарили за доброе дело! — раздраженно выдавил Никанор Пантелеевич.

Анна Акимовна не решалась больше ни о чем расспрашивать его. Долго молчали. Довбня выпил второй стакан водки и спу-

стя несколько минут начал жаловаться охмелевшим голосом:

— Не один раз вспомнят еще Никанора Довбню, но — дудки! Ни за какие коврижки не соглашусь!.. И все это старая арба Зубариха натворила. Дышло ей в рот!.. Другие выступали, критиковали по-человечески... Без этого нельзя. Для голосования мою кандидатуру первой председатель исполкома назвал. Ну и агронома Донченко записали для формы. Как и в прошлом году. Так она, стерва, вышла, поклонилась агроному в ноги и ляпнула: «За твою домовитость, голубок, за науку, за высокое образование и за четыре кило!». А потом ко мне обернулась и «командировочным» обозвала. Покажется, говорит, в колхозе, как молодой месяц, да и опять неделю нет его. Будто я по своей прихоти отлучался. Да и того не понимает, чертова трясогузка, что налаженный паровик и без машиниста работает.

— Неужели из района не заступились? — всплеснула руками Анна Акимовна.

— А что из району? Ну, говорил за меня второй секретарь... А после него лоботряс этот, Гриценко, вылез. «Гусятник», говорит, «король плавней»... Я его еще за это старорежимное слово к суду притяну... Вот народец пошел!..

— Ну, ничего, Никаноша. Ничего: свет не без добрых людей. Уж как-нибудь проживем. Опять, наверно, в полеводы пригласят, не пропадем, — дрожащим голосом успокаивала Анна Акимовна. — В полеводах высокого образования не потребуют.

В это время за окном послышались лихие звуки баяна. Анна Акимовна вздрогнула, будто от выстрела, и принялась отыскивать пальто. Ей хотелось завернуть Кирюху еще со двора. Но не успела она одеться, как на пороге вырос бравый кряжистый гармонист в защитной поддевке.

— Высочайшему колхозному начальству наше нижайшее музыкально-культурное почтение!

— Марш! — яростно выкрикнул Никанор Пантелеевич.

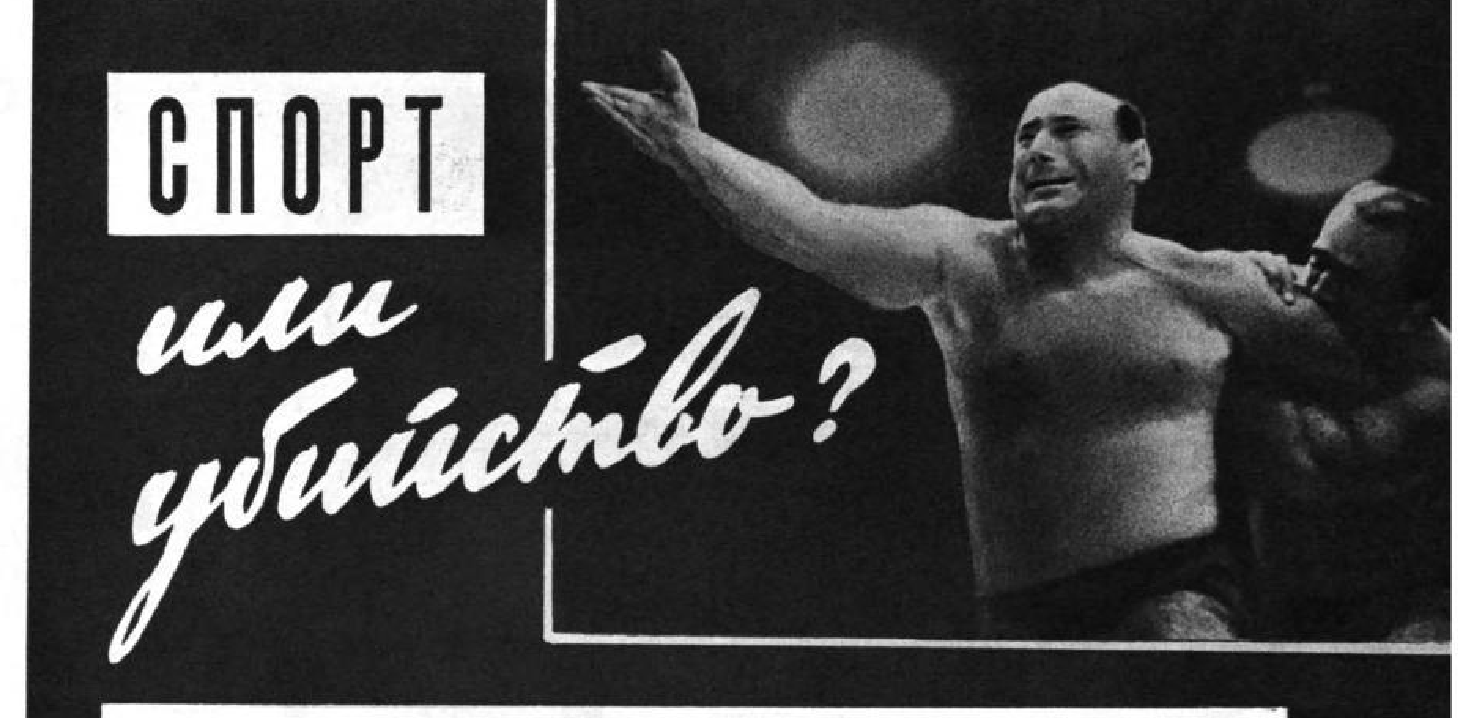
Кирюха, не поняв хозяина, растянул меха — и горницу наполнили оглушительные звуки бравурного марша.

— Марш к чертовой матери! — диким голосом повторил Никанор Пантелеевич, грозно поднимаясь со стула.

Кирюха, хотя и был навеселе, мигом сообразил, в чем дело, и захлопнул дверь перед самым носом хозяина. На улице он все-таки закончил первое колено марша, затем, осмотревшись вокруг, застегнул ремень баяна и напрямик по лужам заковылял восвояси. В горнице воцарилась унылая тишина. В полумраке белела скатерть, скупым отблеском мерцали на столе бутылки.

СПОРТ или убийство?

↑ «Профессиональные борцы должны изучить огромное количество странных и удивительных приемов»,— пишет журнал «Лук». В самом деле, какой «удивительный» прием — вцепиться зубами в плечо своего противника!

В пятом номере американского журнала «Лук» за 1954 год напечатан фоторепортаж об одном из популярных видов спорта в США — профессиональной борьбе. Так называются кровавые схватки на ринге, происходящие на глазах многих тысяч зрителей, под охраной полиции.

Вот несколько фотографий, взятых нами из этого журнала. Снимки дают довольно полное представление о том, что же такое профессиональная борьба. Из текста же статьи, носящей издевательское название «Пожалейте бедного борца», мы можем узнать много любопытных подробностей об этом «спорте» убийц.

«Ни в одном виде спорта не применяется такой изобретательности, как в профессиональной борьбе,— говорится в статье.— Это единственный вид спорта, в котором человек может лягаться, толкаться локтями... прыгать на врага или, запутав его руки, ноги и голову в ринговых канатах... употреблять запрещенные приемы, пока этого не замечает судья.

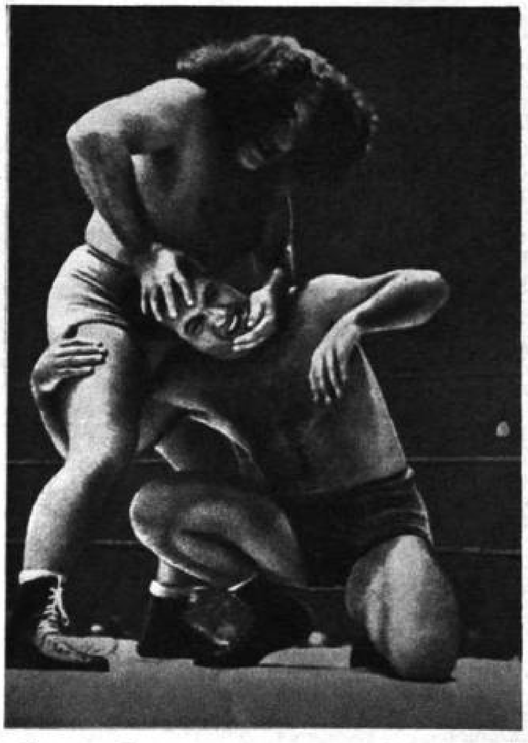
Если вы профессиональный борец, вы можете тянуть своего врага за волосы, кидать в его голову молоток секунданта или, сняв повязку со своего ботинка, закрыть ею глаза противника.

Борьба — единственный вид спорта, где вы можете обсуждать позволительность примененного захвата с судьей, в то время как ваша жертва вопит в смертельной агонии. Это единственный вид спорта, где спортсмен может бить своего противника головой... или бить своего противника, употребляя для этого голову судьи.

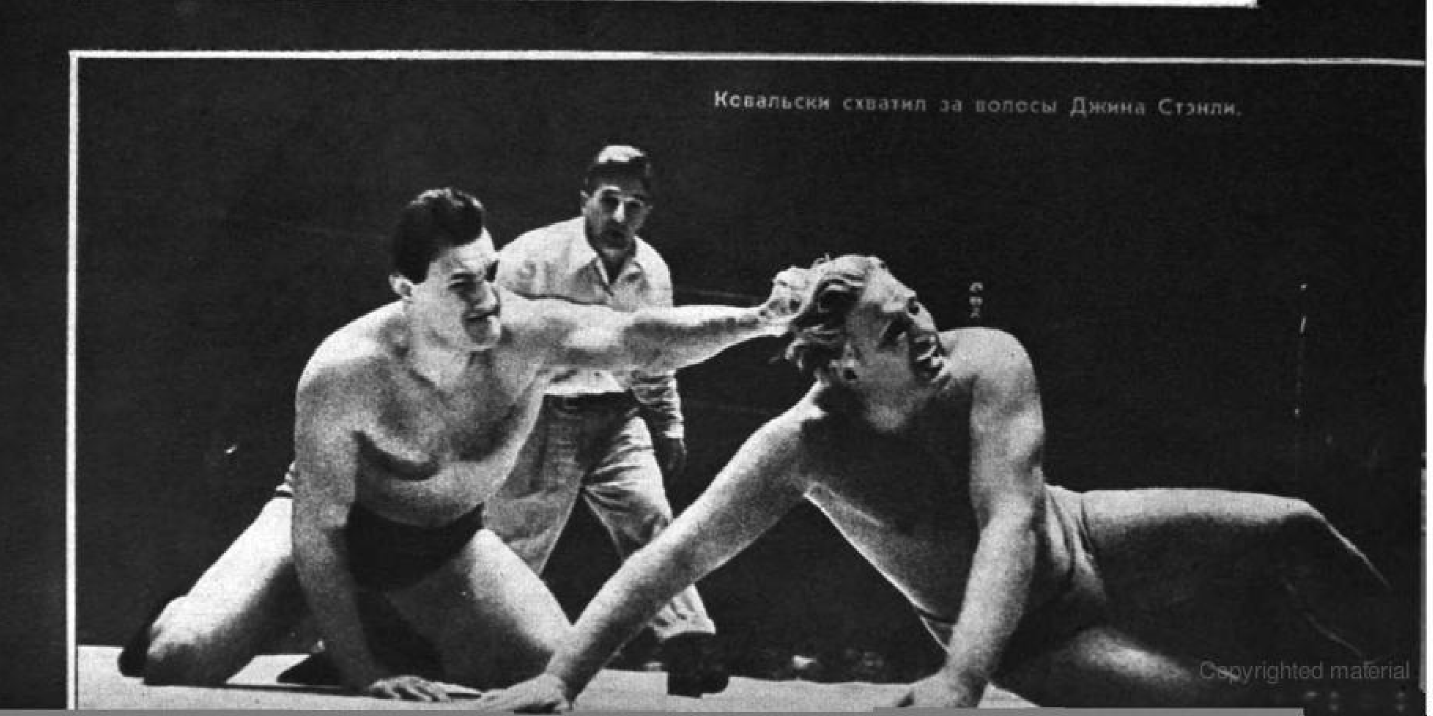
Профессионалы должны уметь разбить лицо противника. Они должны знать, как раскачать голову человека, прежде чем бросить его на мат, так, чтобы его мозги «вывернулись наизнанку». Они должны знать, как применять мгновенный захват пальцев в то время, как его противник скачет по рингу со скоростью 20 миль в час.

Для граждан, которые сомневаются в том, что борцам причиняют боль, можно сказать, что это так. Ген в схватке с Лоу Тезом потерял четыре зуба. Ковальски оторвал часть уха у Юкона Эрика. У Дани Макштейна поломаны все ребра и нос был перебит шесть раз...».

Американский журнал не случайно смакует на нескольких страницах варварские приемы «борьбы». Этот вид «спорта» — одно из средств, которые применяются в Соединенных Штатах для воспитания человеконенавистничества и звериных инстинктов американских «сверхчеловеков».

«Барон Леон пытается открутить голову своей жертве,— отмечает «Лук».— Этот прием разрешен, но опасен».

Ковальски схватил за волосы Джина Стэнли.

Микки

Фото Г. ЛИПСКЕРОВА.

Микки проснулся. Сладко зевнул. Пора вставать.

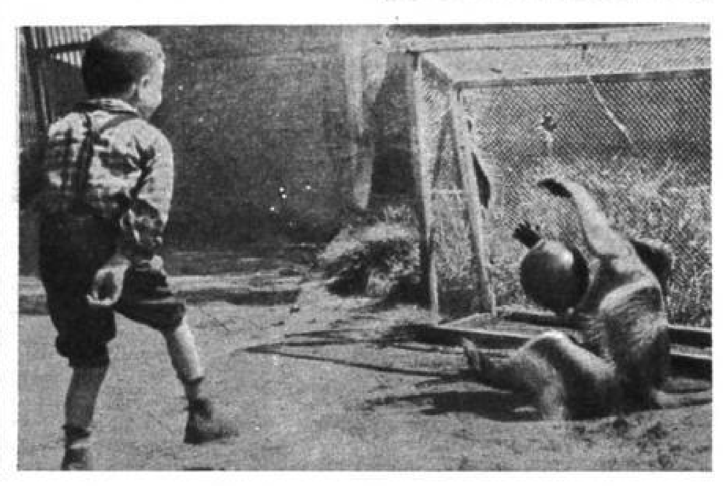
День начинается с физзарядки.

Перед прогулкой Микки вкусно позавтракал.

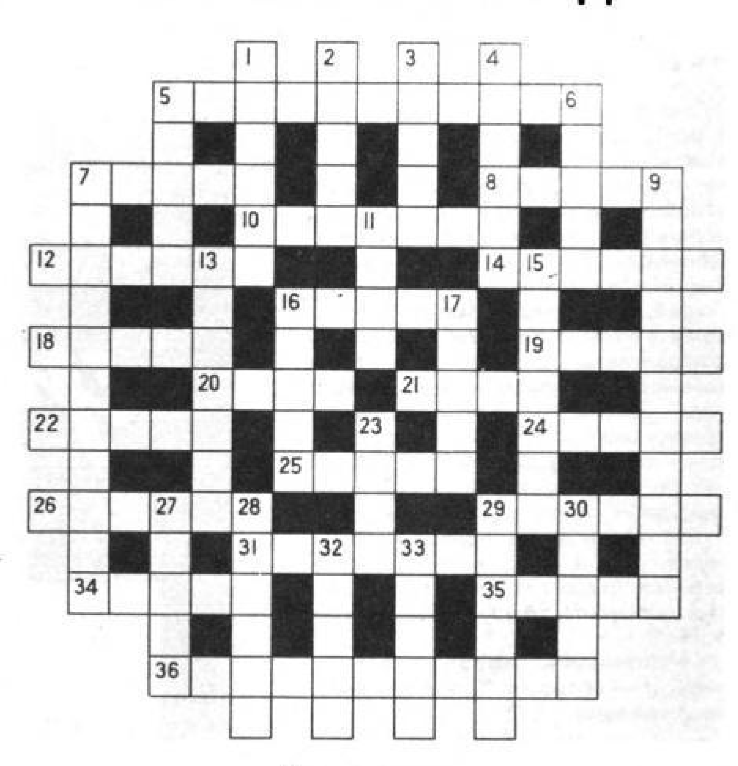

С приятелем Тоником неплохо потренироваться. Микки ловко берет труднейшие мячи.

Всему этому научил Микки его дрессировщик К. Створа. Теперь Микки демонстрирует свое искусство перед посетителями «Уголка имени В. Л. Дурова».

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Отдел геометрии. 7. Южное вьющееся растение. 8. Лущеное хлебное зерно. 10. Лесосека. 12. Денежный знак. 14. Отсвет заката. 16. Приток Камы. 18. Наиболее деятельная часть коллектива. 19. Река в Англии. 20. Роман Э. Войнич. 21. Знак препинания. 22. Сорт смазочного масла. 24. Рассказ А. П. Чехова. 25. Тропическое растение. 26. Деталь механизма. 29. Маленькая рыба. 31. Требование, предъявляемое одной из договаривающихся сторон. 34. Молоко после удаления из него жира сепаратором. 35. Химический элемент. 36. Преподавательница.

По вертикали:

1. Вид загадки. 2. Заключительная часть. 3. Поэма М. Ю. Лермонтова. 4. Официальное распоряжение. 5. Изделие, покрытое тонкими листочками ценного металла. 6. Хищное животное. 7. Итальянский композитор. 9. Русский художник. 11. Курорт в Крыму. 13. Луговое растение. 15. Устройство для передачи или улавливания радиоволн. 16. Старинный музыкальный инструмент. 17. Залив Охотского моря. 23. Венгерский гроссмейстер по шахматам. 27. Город в Эстонской ССР. 28. Водяное животное с ценным мехом. 29. Набор посуды. 30. Небольшое судно. 32. Идущий первым в состязании. 33. Танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

3. Мелодия. 6. Щукарь. 7. Любовь. 9. Весна. 12. Бемоль. 13. Плотва. 16. Торжество. 18. Комар. 19. Базар. 20. Саксофон. 22. Дерзание. 25. «Каховка». 26. Луна. 28. Парк. 30. Пародия. 32. Двойка. 33. Блесна. 34. «Аэлита». 35. Пончик.

По вертикали:

1. Кедров. 2. Бирюза. 4. Футбол. 5. Цветок. 8. Верхолаз. 10. Сирень. 11. Свидание. 14. Грамота. 15. Отблеск. 16. Трио. 17. «Обоз». 21. Стан. 23. Арка. 24. Соловей. 27. Уловка. 29. Родник. 30. Пикник. 31. Яблоня.

Из истории быта

Сервировка стола

Двор Людовика XIV, которого льстецы называли «королем-солнцем», славился даже за пределами Франции своим великолепием. Однако во время самых торжественных обедов за столом «короля-солнца» суп ели, вернее, хлебали, из общих мисок, каждый своей ложкой.

И это не удивительно: в XVII веке сервировка европейского стола лишь несколько приближалась к современной. Ранее не было ни глубоких тарелок, ни вилок; мелкие тарелки только входили в обиход, их еще нередко заменяли большие куски хлеба. Обедающий, если у него не было в кармане собственного ножа, часто оказывался в затруднении: на весь большой стол подавалось 2—3 ножа, не хватало и стаканов. То и другое приходилось одалживать у соседей. Так называемая круговая чаша превратилась в символ дружбы и братства лишь впоследствии. В старину же она «обходила стол» прежде всего потому, что посуды было недостаточно. Второе блюдо, например, мясо, брали руками. Первая вилка, привезенная в Англию в начале XVII века, как редкость, из Италии, вызвала вначале насмешки. Ревнители старины считали, что десятью пальцами, данными человеку самим господом богом, действовать куда удобнее, чем каким-то иноземным инструментом. Обходясь без вилок, знать и богачи ели на золоте и серебре, но посуда при этом подавалась не всегда чистой; серебряные тарелки, например, бывали так запущены, что походили скорей на свинцовые.

Правилами хорошего тона рекомендовалось как следует облизывать и вытирать свою ложку, прежде чем опускать ее в следующее общее блюдо, и допивать свой стакан до дна, передавая его соседу.

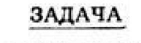
Б. АЛЕКСЕЕВ

ПРИЗНАКИ ВЕСНЫ...

Рисунок Ю. Черепанова.

ЗАДАЧА

5 ЧЕТВЕРОК

Мы имеем 5 четверок:

44444

Как нужно записать эти цифры, пользуясь при этом некоторыми математическими знаками, чтобы в результате получилось число 10 000?

М. ШВАРЦМАН

Прилуки.

В этом номере на вкладках: 4 страницы репродукций картин венгерских художников и 4 страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д—47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 00666. Подп. к печ. 3/V 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 411. Заказ 1130. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВЕЧЕРОМ...

Фотоэтюд А. Гаранина.

ЛИМОНАД

ПРИЯТНЫЙ ОСВЕЖАЮЩИЙ ФРУКТОВЫЙ НАПИТОК

Цена номера 3 руб.